

Виктор Пивоваров
АХ и ОХ

БИБЛИОТЕКА
МОСКОВСКОГО КОНЦЕПТУАЛИЗМА
ГЕРМАНА ТИТОВА

Виктор Пивоваров

АХ и ОХ

Вологда
2010

1971

ПРОГУЛКА

Смотрите все! Я иду по улице!
В углублении моей шляпы плещется
озеро с плавающими рыбами.
Моя голова — лабиринт, в котором
запутались две маленькие мысли:

Одна зеленая,
Другая розовая.

У меня во рту живет птичка
Она поет песни, которые вылетают
из моего носа двумя струйками пара.
Мой левый глаз носится вокруг меня,
как надоедливый комар
а правый...
...правый смотрит внутрь.
Он разглядывает голую женщину без
головы, которая поднимается
по крутой лестнице
моей грудной клетки.

Ах! Она запуталась в моих внутренностях!
Её волосы зацепились за мои ребра!

Ее БЕЛЫЕ ноги
Забрызганы моей кровью!

А птичка у меня во рту все поет и поет
И я спокойно иду по улице
Со шляпой на голове.

встреча

Шел человек-паровоз
Навстречу ему человек-унитаз
Здорово-сказал человек-унитаз
Привет — сказал человек-паровоз
Ну, как дела — спросил человек-унитаз

Пыхтим — сказал человек-паровоз
Ну, а вы — спросил человек-паровоз
Кряхтим — сказал человек-унитаз
Как детишки — спросил человек-паровоз
Унитазят — сказал человек-унитаз
Как жена — спросил человек-унитаз
Паравозит — сказал человек-паровоз
Ну, пока — сказал человек-унитаз
Будь здоров — сказал человек-паровоз
Заходи — сказал человек-унитаз
Звони — сказал человек-паровоз.

ЛАБИРИНТ

Одному человеку жена купила новую шляпу. Он надел её и поехал на службу. Он уже подходил к месту, как к нему подошли двое, отобрали у него деньги и сняли шляпу.

На службе все ему сочувствовали и решили купить ему новую шляпу вскладчину. Но оказалось, что у него из стола пропала важная бумага и его уволили. Так он лишился и шляпы и места.

Он поехал домой и войдя в квартиру, обнаружил свою жену с каким-то незнакомым мужчиной. Они были голые и в кровати. Он повернулся и ушел, и больше не приходил в этот дом, и уехал в другой город.

В другом городе он сошелся с темной компанией и стал нападать на прохожих и отбирать деньги. Как-то раз, у одного такого прохожего, он обнаружил важную бумагу. Он спрятал её и доставил ее куда

следует, и ему дали за это хорошее место и квартиру.

Он решил приодеться и пошел в шляпный магазин, чтобы купить шляпу. Покупая шляпу он познакомился с одной женщиной, продавщицей, и стал к ней ходить. Женщина эта была замужем и однажды, когда он лежал с ней в постели, пришел ее муж, который был в том городе важный человек. Испугавшись ее мужа, он бежал из дома этой женщины, оставив свою шляпу, и уехал из города, бросив службу.

Он покинул эту страну и долго путешествовал а потом осел в одном городе, где-то очень далеко отсюда. Рассказывают,

Что он поступил на службу по борьбе с карманными преступниками и стал носить форменную фуражку. Он вел трезвую жизнь и избегал женщин. Но как-то раз с ним произошла такая история.

Он руководил операцией по поимке одного преступника. Преступника обнаружили в доме его любовницы, и когда он вошел к ним в комнату, они лежали в постели голые и ласкали друг друга. Увидев его, преступник схватил со стола шляпу, со всей силы надвинул эту шляпу ему на глаза, и воспользовавшись его замешательством, бежал. Вся история эта стала известна начальству и его уволили, дав ему, однако, рекомендательную бумагу в одно солидное учреждение.

ДЕНИЕ. Бумагу эту у него украли в автобусе, в тот день, когда он ехал устраиваться на новую службу.

Он снова остался без места и совсем недавно вернулся в наш город. Он поступил работать ночным сторожем на склад готовых шляп и, поговаривают, опять сошелся со своей бывшей женой, но уже тайно, поскольку теперь у нее другой муж и другая семья.

СМЕРТЬ

Марии Веняминовны

—Вы представляете, он вернулся со службы,
снял брюки, одел шлепанцы и умер.
А когда были поминки, разбилась рюмка.
Я думаю,
это и была причина его смерти.

—А мой муж умер ночью, во сне. Он мне рассказывал потом, что ему снился обувной магазин, в котором он покупал вилки. Но все вилки были не того размера и он умер от досады.

—А вот, Мария Вениаминовна умерла в гробу. Она сначала не умерла а заснула. Но все подумали, что она мертвая. А когда её стали хоронить, она проснулась. Она увидела, что её хоронят и подумала, что она уже умерла. И она умерла.

—Да, ее жалко. Ведь у нее двое детей осталось.

—Дети её вскорости тоже умерли. Толя очень убивался о матери, все ходил сам не свой и попал под машину. А Гена, когда остался один, повесился от одиночества.

—Да, это ужасно. Но в таком случае хорошо, что она умерла, ведь она не пережила бы смерти своих детей.

ТЕНЬ

Тень мужчины
И тень женщины
Тень бутылки
И тень рюмки
Тень ножа

Разрезает тень яблока
На две половинки
И тень кофейника
Наполняет тени чашек
Тенью кофе
И сплетается тень пара
С тенью волос
И касается
Тень руки
Тени щеки
И сливается тень мужчины
И тень женщины

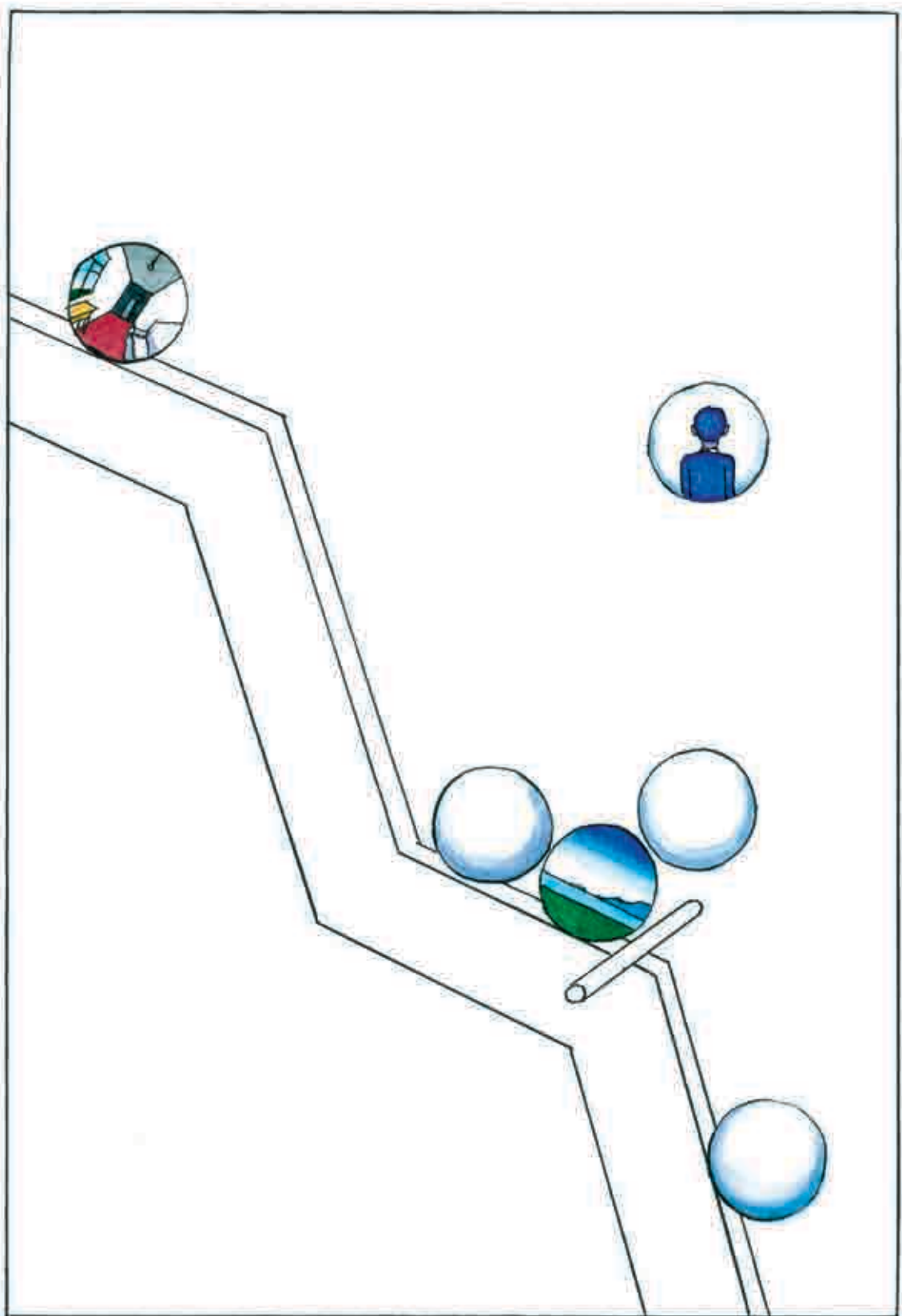
... и расплывается

Светает...

Исчезают тени...

На столе стоят различные
предметы.
Они вечны.

Но ни мужчины
Ни женщины
Ни их теней
Нет.

БЕЛЫЕ ШАРИКИ

ПРАЗДНИК

Листья падали на сухую траву и на воду застывшего пруда. Вода стояла тихая, как бы заглядывая в собственную глубину. Деревья, окружавшие дом, высокие сосредоточенные липы, пропускали между своих стволов полосы света из освещенных окон. На веранде слышался звон посуды и женские голоса, то деловитые, то смешливые. Высокий, с надрывом, голос Люды выделялся. Она то быстро-быстро о чем-то говорила, то смеялась нервно и порывисто, так что казалось, будто плачет ребенок.

Готовились к празднику.

Мужчины пошли в магазин за вином. Только Сережа остался сидеть на крыльце. Свет, падавший сзади, просвечивал его светлые волосы, и голова его была как бы в ореоле. Он сидел молча, не вступая в разговор с женщинами, и курил.

Соня, в белом платье, расставляла тарелки. Ненадолго она вышла в комнаты и вернулась с подносом, на котором тонко позвякивали рюмки. Потянувшись через стол, она случайно задела рукавом спинку стула, и рюмка выскользнула у нее из рук и с каким-то смешливым хрустом разбилась.

— Ничего, это к счастью, — сказал Сережа.

Соня вспыхнула. Побежала за веником и, грациозно изогнувшись, собрала на совок осколки.

Лена и Ирина Владимировна переглянулись, пряча понимающие улыбки за делано равнодушными лицами.

Послышались голоса мужчин. Интонации звучали уверенно и было ясно, что поход в магазин удался и вино будет.

Сережа встал со ступеньки и, гася сигарету о спичечный коробок, неловко задев стулья, подошел к Соне:

– Ты придешь завтра утром играть в пинг-понг? – спросил он, боясь взглянуть на Соню. И, не дожидаясь ответа, положил на тарелку белый пластмассовый шарик.

СИНИЕ ПЕРИЛА

Свернув с мокрого, в шелестящих листьях, бульвара в сумрачный переулок, Леонид заспешил к дому Севы.

В окне Севы было темно, и Леонид остановился в нерешительности. Он чувствовал, что должен куда-то пойти, кого-то встретить, кому-то что-то сказать. Он бросился в конец переулка и вышел на Садовое кольцо. Сейчас сяду на Б или 10 и через несколько минут я у Алены. Там, как всегда, полно народу и вино на столе. Там, наверняка, уже Коля с Наташей, и Людмила Николаевна, и вечно пьяный Роберт, и молчаливый сдержанный Станислав Ильич. Боже, как хорошо, как тепло, как душевно с ними! Но, нет, это не то! Я что-то должен сделать, куда-то пойти, совсем в другое место, где меня не ждут, где меня не знают.

Леонид снова вернулся в переулок, снова прошел мимо дома Севы, машинально взглянул на окно в пятом этаже и вдруг увидел в окне свет. Собственно, свет всего лишь вспыхнул на мгновение и снова погас.

Леонид в недоумении стоял против дома, и мелкие капли дождя падали на его поднятое кверху лицо.

Хлопнула дверь подъезда, и какая-то темная фигура появилась на фоне слабо освещенной лестницы с синими перилами.

– Вы Леня? – спросил незнакомый голос, – пойдете со мной. Не ожидая ответа, фигура направилась в сторону бульвара. Молча они прошли несколько переулков, поворачивая то налево, то направо, вошли во двор между каким-то темным зданием в лесах и детским садиком и спустились в подвал дома, показавшемуся Леониду знакомым.

– Вот мои сокровища, – сказал незнакомец, открывая тяжелую, обитую железом дверь и широким жестом предлагая Леониду войти.

– Это все камни, камни, камни! Тридцать лет скрупулезной работы.

– А что это такое? – спросил Леонид.

– Это? Это так, ничего, просто белые шарики, – небрежно ответил незнакомец.

ВЕНИКИНЫ КРОЛИКИ

Ощущение укуса зажатого рукой уха становилось скоро не-померным в стремлении сумерек попробовать на вкус кислые молодые вишни. Мисочка с большой глубиной стояла на постели тихо-тихо. Оттопырив палец, не зная, что происходит со мной, она со сладостным вздохом обошла хрустящий крахмальный стол и мимо вишнево-черной массы шкафа проскользнула в зияющий холодный коридор со множеством крючков и занавесок.

Елочкой замотанной в беззвучный шарф, положив несколько печально украшенных пальцев на этажерку, она оставалась неосвещенной, оставляя это право разбитому дырявому креслу.

Принесли коробку с елочными шарами.

– Да, кстати, – непременное решение не обронить шепот, скомканный платок, целлулоидную шкатулку – сегодня ночью – тельце серой постели, слоненок сонной ледяной подушки, блестящее брюшко графина – приснился сон – какая верткость и заблуждение сверкающих снежинок, хохочет в уголке всплакнувшее сердечко – о смерти – порожняя платформа и крапива – как будто желобок, и по нему – печально лишь одно, что мальчик бледный таблицу умноженья не усвоил – и по нему белые шарики – катятся, катятся, катятся...

Купать щенка, посасывая мандаринку, прятать у знакомых мокрые ладоши, в станционной роще слышать голоса, и в неразборчивом сверкании росы забросить гребешок с остатками волос куда подальше...

Целлулоидная коробочка с обломанным уголком в промежутках болтовни и сырости ревниво взидала между тем на листаемые ветром бесцельно пустые страницы книги, забытой на подоконнике пластмассовым желтым утенком.

У РЕКИ

Было воскресенье. Вера одела белое платье и новые коричневые туфли. Манечка тоже в белом платьице, со сверкающими от предстоящего приключения глазками, нетерпеливо подпрыгивала, от чего графин и стакан на столе подрагивали и звякали.

Я стоял в коридоре и чистил ботинки. Через открытую настежь дверь в комнату был виден угол стола с бахромчатой по краям скатертью. В коридоре без окон стоял сумрак, и свет, падавший через открытую дверь на крашеный пол, был ослепительный. Вера, прилаживая у зеркала поясok, погружилась в свою загадочную неизвестную жизнь, в которую что-то постороннее почти не доносилось.

Я закрыл баночку с гуталином, сложил бархотку и положил аккуратно в ящик под вешалкой.

Манечка прыгала по комнате на одной ножке и графин звякал. Вера, наполненная своей душой, расчесывала гребнем волосы.

От того, что было воскресенье и солнце, я чувствовал себя, как пианино. Дотронься до меня, и раздастся невыразимый и неземной звук, выдержать который и не заплакать нельзя. Было всех жалко, ведь все когда-нибудь умрут и их забудут. Манечка выскочила в коридор и затормошила меня.

– Подожди, Маня, я хлебушка возьму на дорогу.

У реки уже были люди посмотреть в воскресный день ледоход и подышать голубым воздухом весны. Но, чтобы кто-нибудь посторонний неосторожно не помешал нам, я предложил Вере и Манечке отойти в сторонку, и мы действительно нашли маленький песчаный выступ, откуда было все видно, и где ветер, гулявший над рекой, можно было потрогать рукой. Из припасенного бумажного листа я сложил Манечке кораблик, и она пустила его на воду. Кораблик крутился в воде, Вера ловила его, чтобы он не уплыл совсем, а Манечка смеялась своим нежным внутренним голосом.

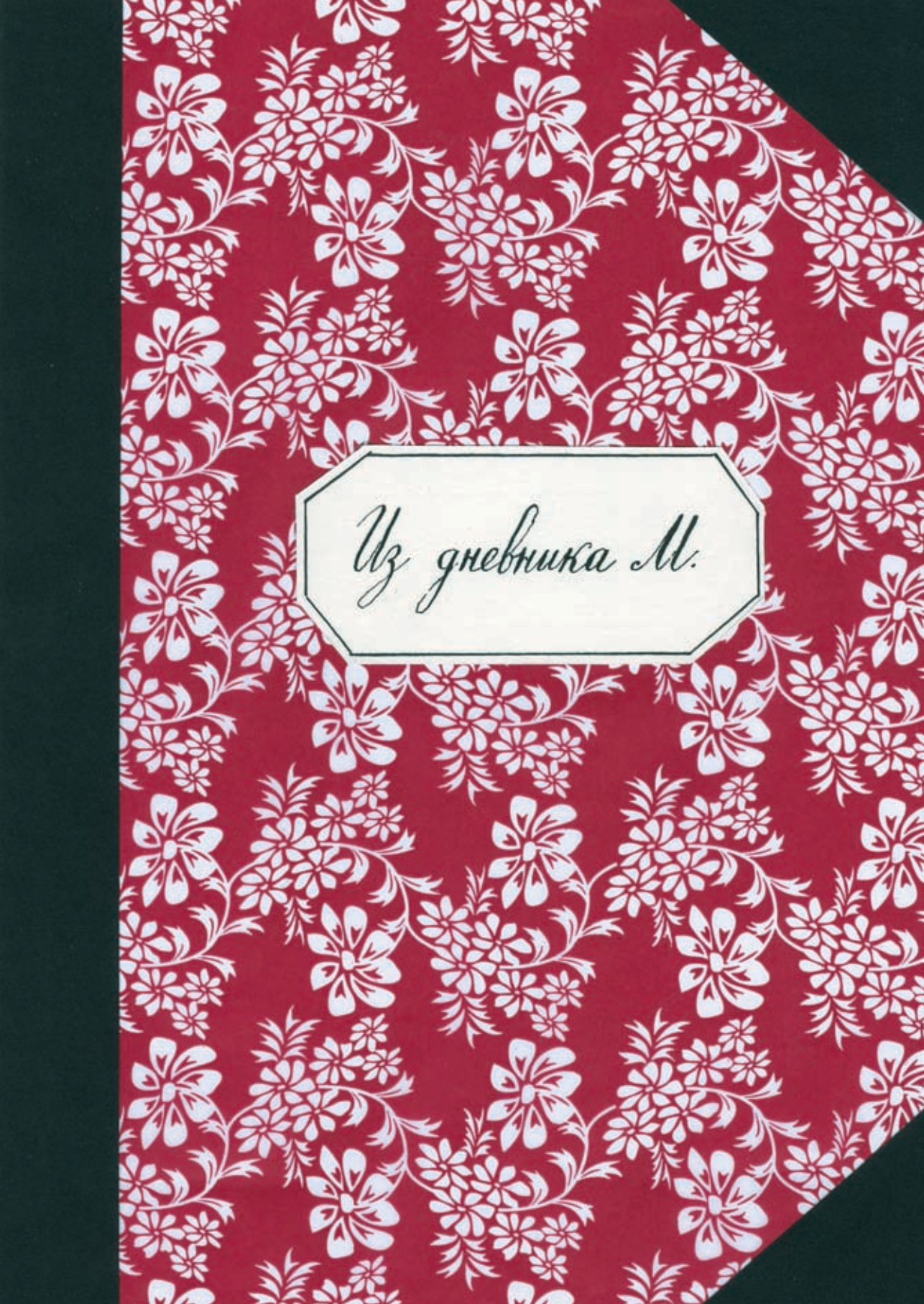
Лед медленно плыл по реке, темнея и умирая на солнце. Я достал хлеб, и мы поели его, запивая по очереди сладким чаем из бутылки, которую принесла Вера. В кармане у меня еще были конфеты в бумажных обертках с картинками, и я дал Вере и Манечке. Манечка сунула по конфете за каждую щеку, а обертки сложила в кармашек. Дома у нее была целлюлоидовая коробочка для них.

Солнце уже так пригревало, что я снял пиджак. Люди вдалеке пели песни грубыми голосами, а женщины визгливо смеялись. Манечка никак не хотела уходить от реки, но от множества

воздуха и солнца уже пришла усталость, хотелось в прохладный сумрак комнаты, наполненной мягкими вещами. Вера поцеловала Манечку, пообещала ей почитать книжку, и мы, оставляя позади себя реку с плывущими льдинами, пошли домой.

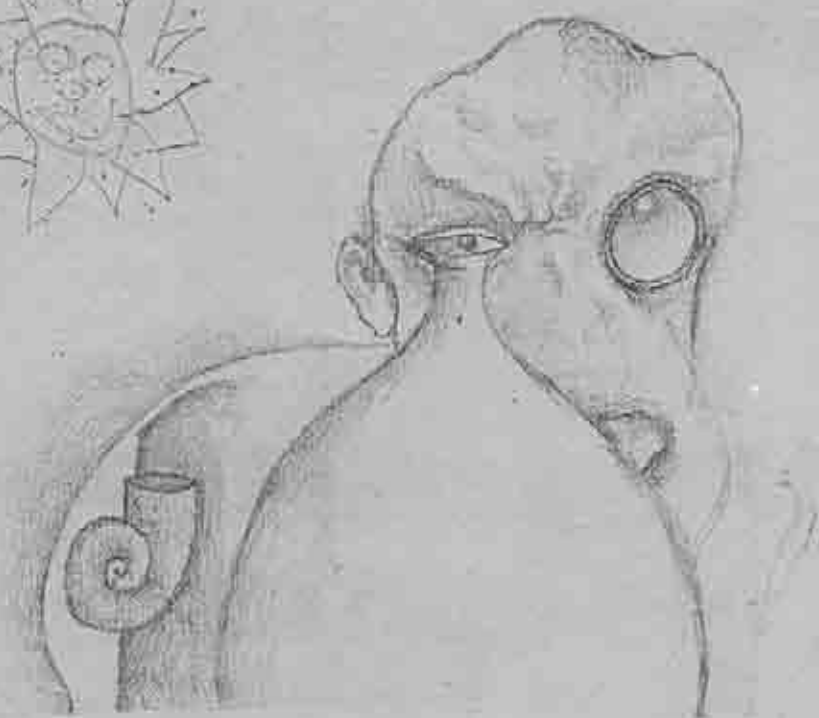
В коридоре я снял ботинки и в носках прошел в комнату. Вера с Манечкой забрались в уголок дивана читать книжку. По радио передавали красивую музыку. Я сидел на деревянном стуле, положив одну руку на стол, а другую на спинку стула, слушал музыку и смотрел на Веру и Манечку. Потом пошел на кухню и поставил чайник на плиту.

Лучи солнца падали из окна и освещали счастьем все вещи.

The image shows the front cover of a book. The background is a deep red color, covered in a repeating pattern of white stylized flowers and leaves. The flowers are five-petaled, and the leaves are small and pointed. The pattern is dense and covers the entire surface. In the center of the cover, there is a white, horizontally-oriented label with a decorative, slightly irregular border. Inside this label, the text "Из дневника М." is written in a black, cursive script. The text is centered within the label. The overall design is classic and elegant, typical of a personal diary or notebook cover.

Из дневника М.

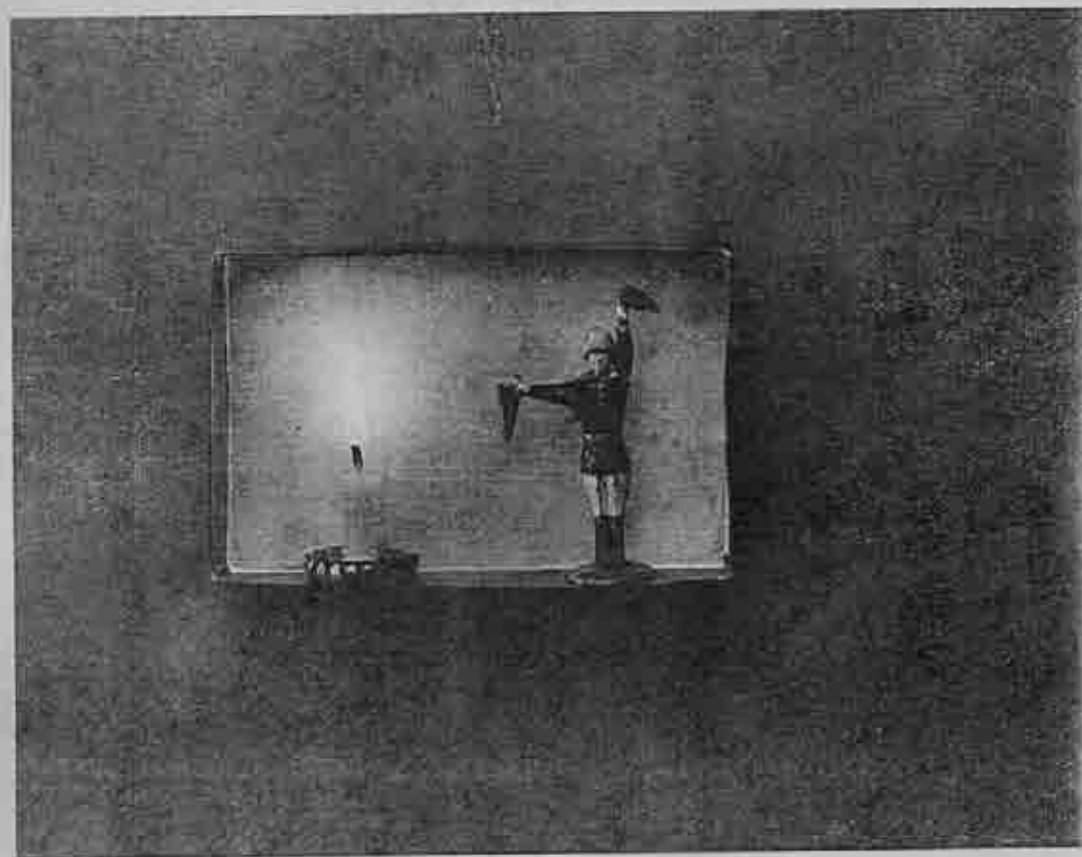
18 апреля. Утро.

Лёжал на диване. Смотрел
на стены и потолок. Много
думал, сначала о хорошем, потом
о плохом, о смерти.

Итобы не думать стал де-
лать коробочку со свечкой и
оловянным солдатиком.

Получилось
хорошо.

18 апреля. (вечером)

Слушал по радио передачу
"Театр у микрофона". Переда-
вали пьесу про войну. Как
один офицер влюбился

в девушку. Потом офицер
погиб на войне, а девушка

осталась одна.

19 апреля. (после обеда)

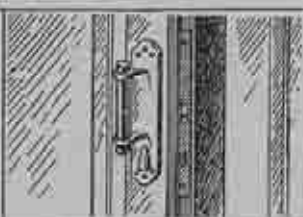

Достал из шкафа свою завет-
ную целлулоидовую коробочку.

Перебирал колёсишки и
шарики   а ключ
и шурьку переложил
в другое место.

Платьє дівочки.

Ручка двері.

Платок сестри.

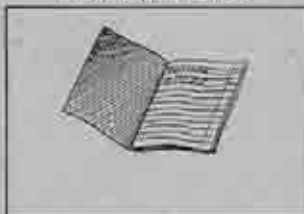
Под'їзд школи.

Улиця деревні.

Конура собаки.

Страница тетрадї.

Крайшка парты.

Бєдро воды.

Тарїлка каші.

Кусєц булкі.

Блїдо зємляники.

Портфєль учителя.

Крыша дома.

Улиця горада.

Костїм мальчика.

Бєскозірка моряка.

Рожок пастуха.

Для

16/10/70.
И.В.Р.

20 апреля.

СЕЛО
ДНЯ
пришла
на фронт
Спасибо
за то что
дачу ме
на. Боле
у неё муж
а котом
болела от
сама. При
готовила
обед - на пер
вое гороховый
суп, на вто
рое биточки
с греческой,
на третье
компот.

20 апреля. Продолжение.

Оля принесла камыши и поставила
в вазу на стол. Потом от-
крыла окно, вытерла снару-
жу пыль. Ока ва-
дела и на-
пева-
ла
а

Тихонько.

Ая
сидел
в
угалку
и
вырезал фотографии
из
журнала.

25 апреля.

Перед

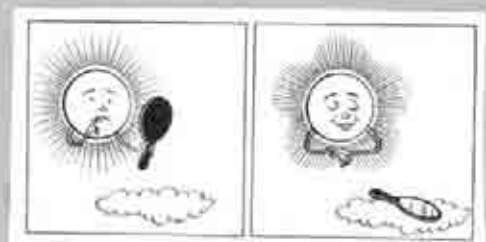
зерка-
лом

25 АПРЕЛЯ

(ногью)

Завязал глаза и долго
сидел перед зеркалом,
НО НИЧЕГО НЕ УВИДЕЛ.

Олены камыши

26 АПРЕЛЯ
(воскресенье)

Прийма Оля!

26 апреля.

Пришла Оля! Долго сидела
со мной держа меня за руку.

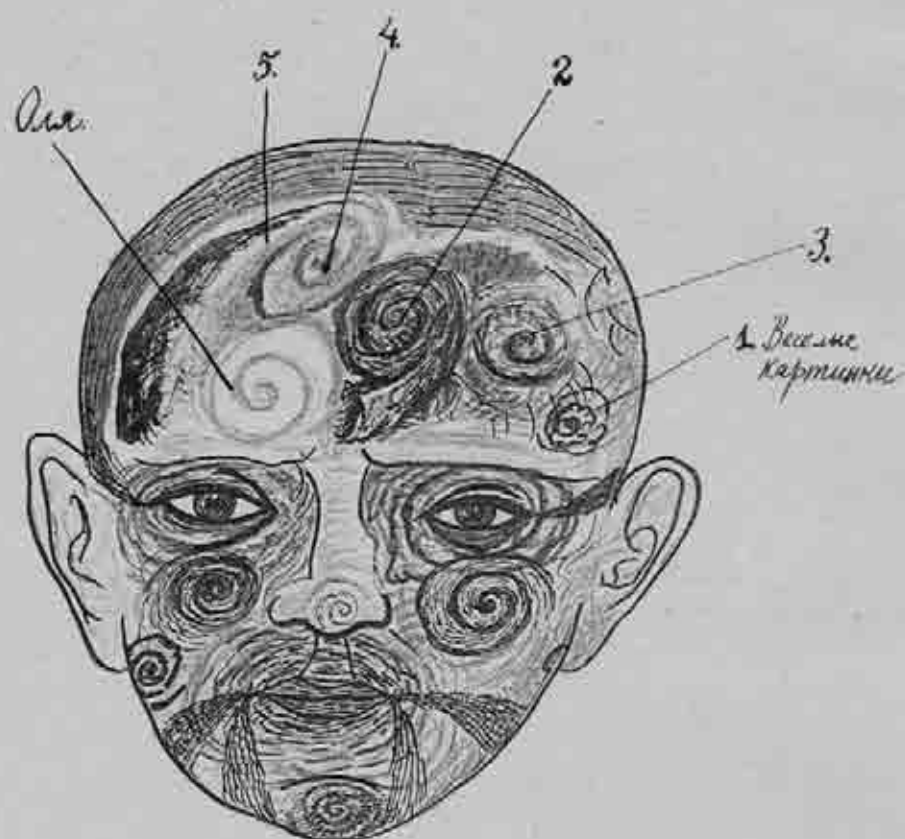

Рассказывала о своей мучне.
Уходя, сунула мне под подушку
Конфетку !!!!

27 апреля.

Мысли в моей голове:

1. Надо купить журнал "Веселые картинки."
2. Если что-то сильно желать - никогда не получится. Лучше ничего не желать.
3. Всюду рядом множество картинок, которых никто не замечает. На чашках, тарелках, на обоях, подушках, на монетах, на занавесках, на баночках с вареньем, даже на карандашах.
4. Вечером поджарю шашлычку.
5. Звери, как люди, бывают хорошие, бывают плохие.

ВЕГЕЛЬЕ КАРТИНКИ

Художник Светлана Тюрина.

30 АПРЕЛЯ.

Скоро лето!

Серёжа обещал, когда будет
тепло, покатают меня
на лодке.

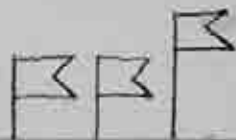

Купил журнал "ВЕСЁЛЫЕ
КАРТИНКИ."

Буду вырезать.

Настроение ХОРОШЕЕ!!!!!!

1 МАЯ!

Сегодня праздник!

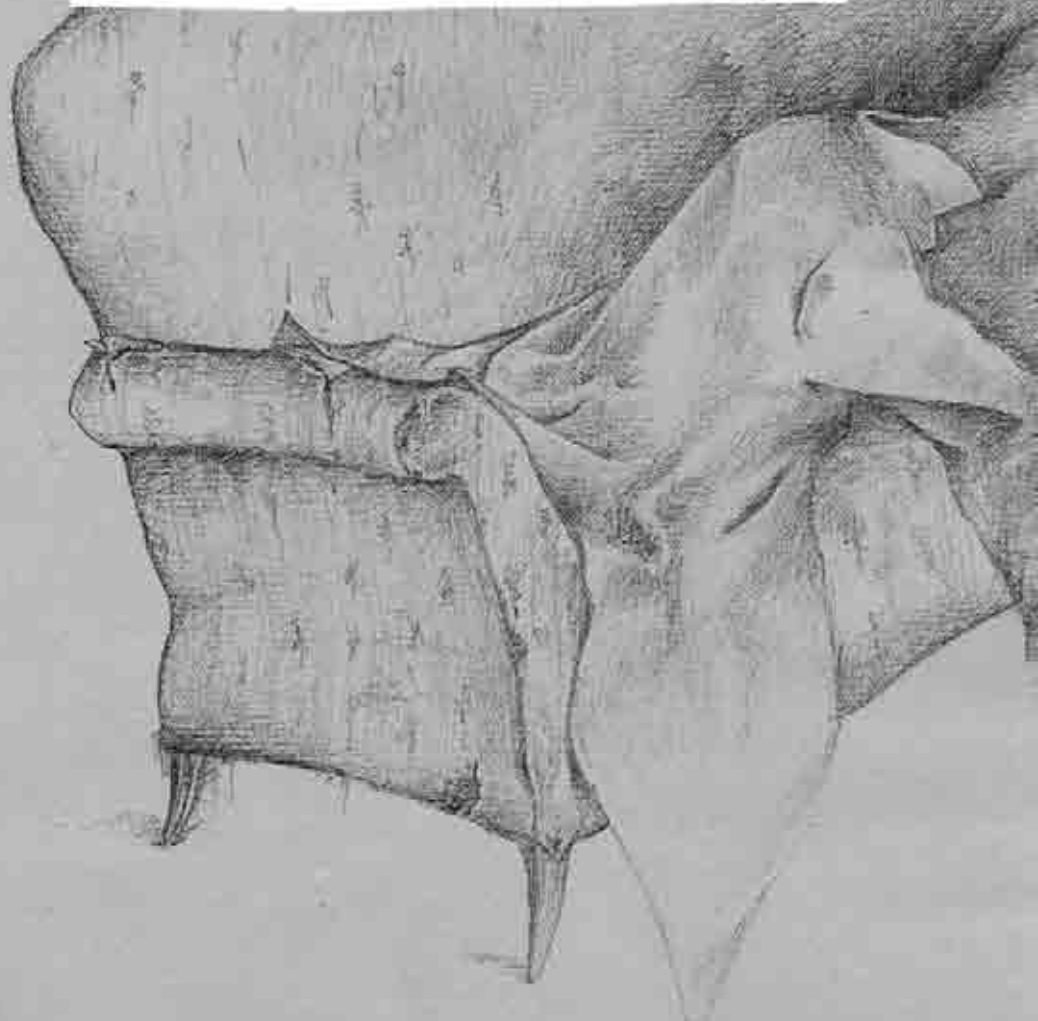
На улице нарядные люди, дети
бегут с шарами.

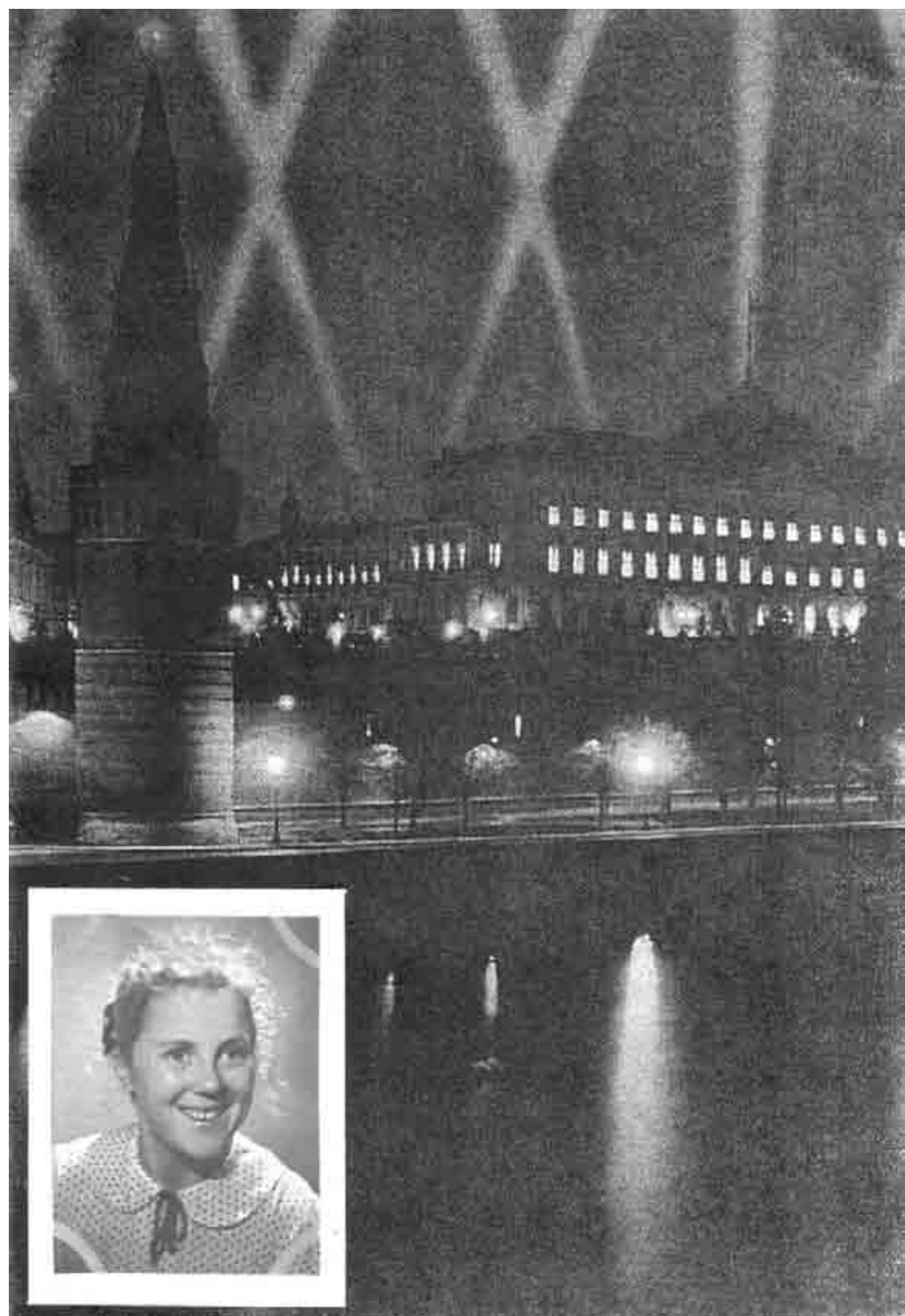
К обеду приехала Оля с мужем и Сережа
с Анечкой. Было очень весело.

После обеда все пошли
гулять на набережную.

продолжение →

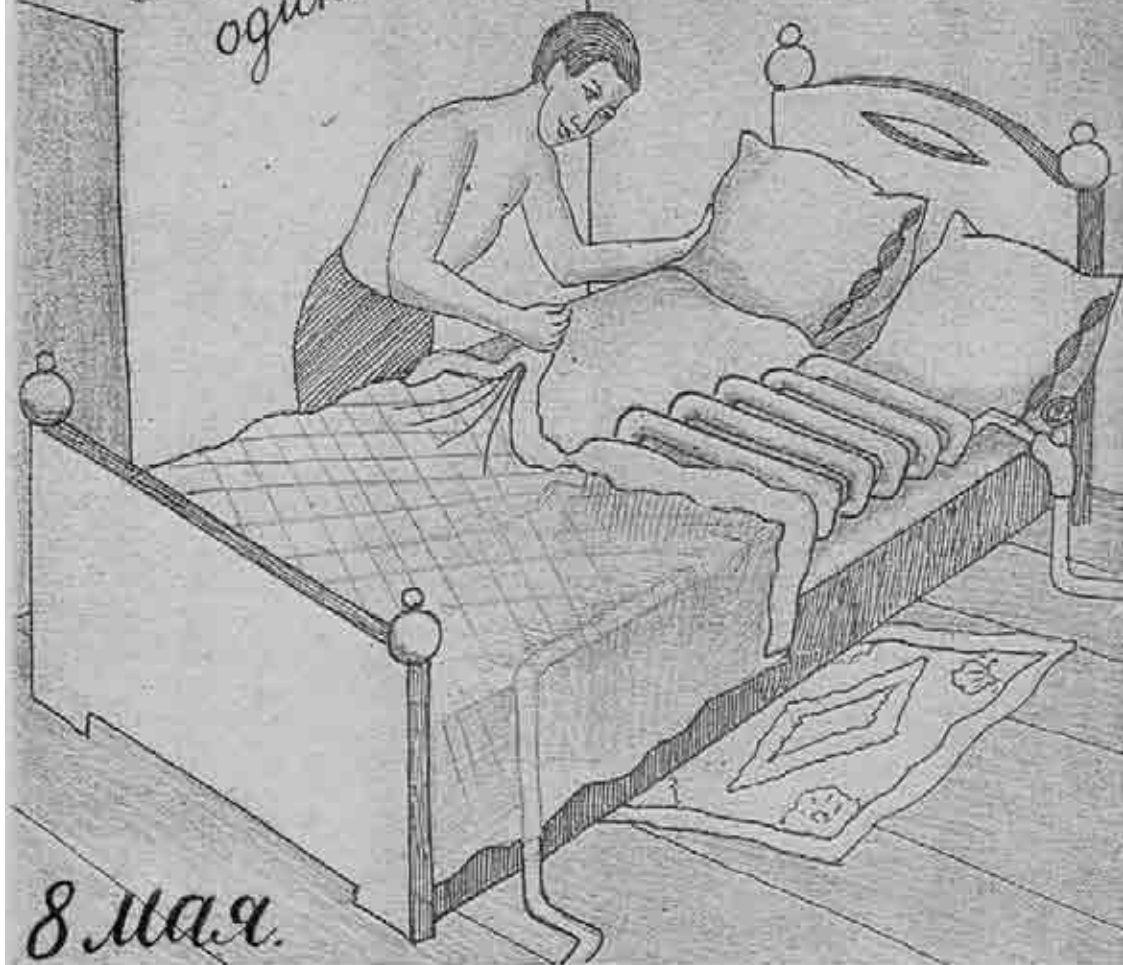
1 мая. (продолжение)

Вечером, когда стемнело, был САЛЮТ!

Я стоял у окна, смотрел на сверкающие огни и думал, о том, что в жизни все-таки очень много хорошего.

Холод
одиночества.

8 мая.

Завтра день рождения Оли.
Подарок для нее у меня уже
готов. Я сделал из дощечек
маленький театр с двигающимися
фигурками.

Надеюсь ей
понравится.

ПОСТЕЛЬ-

СОБАКА

ПОСТЕЛЬ – СОБАКА

Худенькая лапка

Или ты замолчишь, или я уйду

Дрянь мальчишка

Тяжелое душное молчание

Положи цыпленка

Свернувшись незаметно клубочком

Целый ряд подробностей

Утвердительный человек

Видное положение

Хорохориться и защищаться

Дамские истерики

Ты, говорят, жену бросил

Птица оказалась больна

Угостила чаем с конфетами

У нее хвост

Разошелся с сожительницей

Все время что-то сыпалось

Сидела и только облизывалась

Были и картинки

Бедная упорная гостья

Изо рта вылезал пузырь

Кружок любителей

Подметаем и так далее

Ягодка-анакорет

Пуговицы и бессознательное

Зайчик улетел

Смешные запонки

Жадный жестокий правитель

Звоночки под подушкой

Эмма в лесу

Постель-собака

Маленький ветхий домик

Большой озорник

Один из них одет не по форме

Найди правильный путь из норы

к остановке автобуса

Здесь кто-то лишний

Кто-то осмелился смеяться

Хорошо ли они спрятались

У девочки красные щечки

и белый хвостик

Небрежно убранная кровать

Почему же из глаз его полились слезы

Медицинская лиса

Дедушке нашему хорошо –
ушел на работу и работает
Верхом на лошади в тихом уголке
Суд над младшей сестрой
Чужая семейная жизнь
Сломанное строение в саду
Бабушка спохватилась, а сковородки нет
Солнце-жена
Падала духом на песок
Быстрый способ избавления
Голубые голоса пирующих
Поспешное свидание
Евы не будет в райском саду
Телесные шаги
Зверь почти в центре
Глаза зажмурю и люблю
Мастерство вождения

Протягивая маленькую ручку

Неотесанный машинист

Выражение и цвет глаз

Мелькает среди людей

Одно обиднее другого

Своя бывшая жена

Никакого порядка нет

Тебя обидеть, а ей врать

В коридор покурить

Ерунда, пустое занятие

Вот и ты не существуешь

Внутренние минуты

Черными треугольниками

отмечены вулканы

Только попробуй плюнь в меня

На фоне голубого неба

Заглядывают в окна, рычат

Просто живу и живу
Закливание и автобус
Разные полочки
Но есть и свои неудобства
Тетя Нюра заговорила собачьим голосом
Жевать селедочный хвост
Паузы становились все длиннее
Уши дадут знать
Игра проиграна
За разговорами незаметно прошло лето
Насмешливые врачи
Кровать была пуста
Кушать по углам
Неожиданное знакомство
Исчезнувший день
Растерзанное тело слуги
Замысловатые закоулки

Холодные вагоны и горячие пирожки

Шаги механика

Старая женщина, старая собака

Скушали люди орехи и желуди

Очарованный диван

Трюк старушки

Пророческая собака

Укрыться от наслаждений

Все, что осталось от Зои

Корова принесла арбуз

Ничего я не трогал

Давай лапкой умываться

Пьяные румяные старушки

По моему море

Слизывать шапку

Длинные шеи мешают

Семь маленьких островков

Плачет по ночам

Да, повторил он и улыбнулся

Уши не привыкли к вольностям

Надвигается темная туча

Подозрительная игра в прятки

Слишком откровенные рассказы

Отложил лопату в сторону

Поимка виновных

Там встретил ее мужчина

Глаза в разных углах

Все-таки спился

Бессмысленно блуждать во мраке

Койка врага

Двойной отец

Лоток у трамвайной остановки

Тень картинки

Неискренние намеки

Лица и голоса

Далекая норка

Чье-то прикосновение

Мы, улыбаясь, заблудились

Он вдруг проснулся и сел

Все, кроме еды

Вдали мелькали огни

Когда они хотят,

то стоят на задних лапах

Цель путешествия

Подозрительные подушки

А крошка знай себе хохочет

Военная форма

На носу у него всегда

кусочек глины

Привычка оглядываться назад

Вместо солнца выходит белая луна

Ничего тревожного
Известный случай
Сосед по лестничной площадке
Обычная рыба
Жена дяди
Заранее махнуть рукой
Меня, чтобы погубить
Мысленно тем же коридором
Сонм коварных
Даже и женщины нет
Случаи, символы и совпадения
Хотя бы небольшое счастье
Размер комнат
Проверка моей догадки
Сидеть в зале и обсуждать
Пешие и конные
Только в узком кругу

Прошлогодние орешки

Так тихо, так осторожно

Угодить полковнику

Впитывая летние запахи

Что бы не говорил хитрец

Погрешности канона

Контуры странных безделиц

Окруженная фруктовым садом

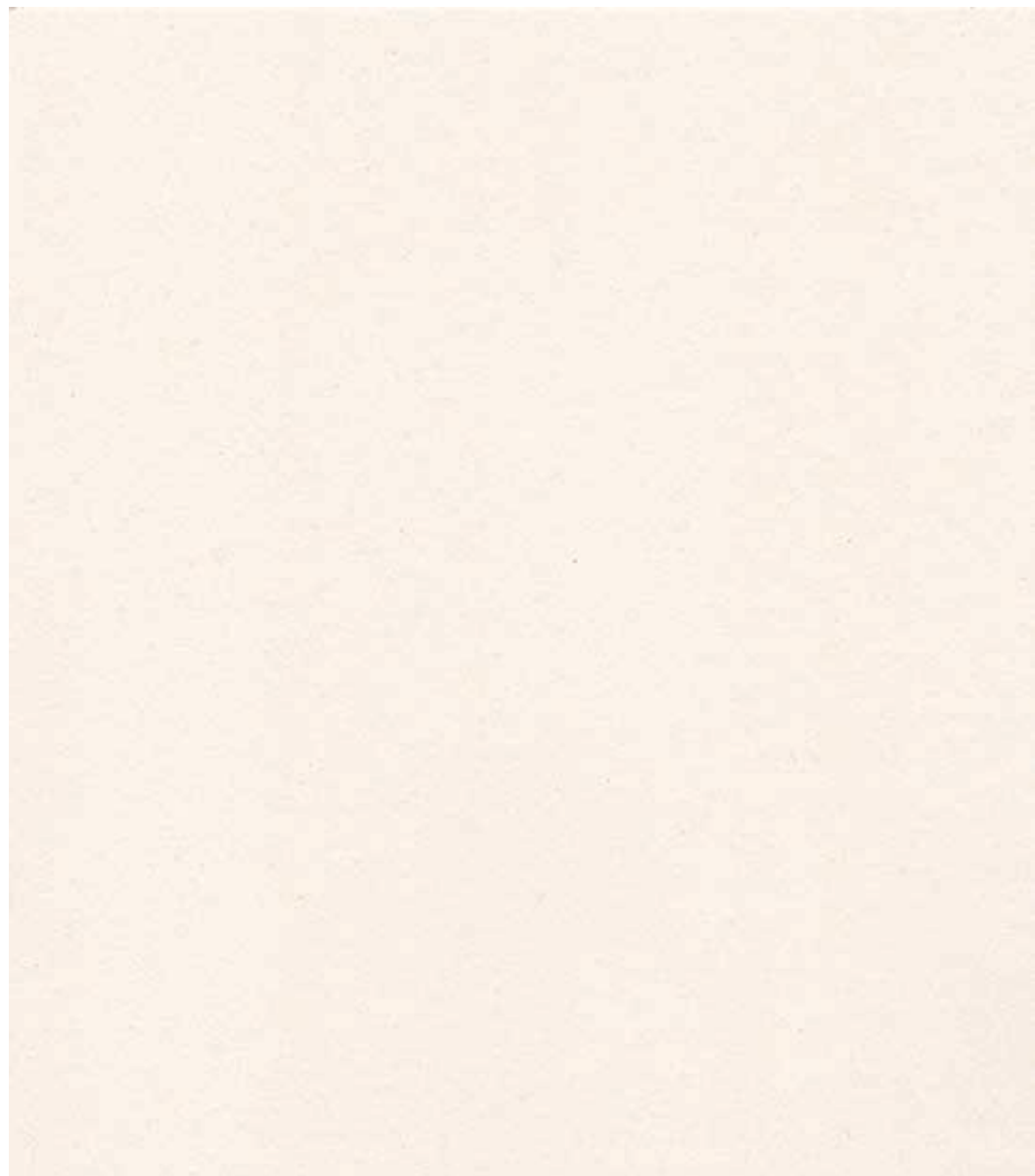
В прошлом спальня

Назад в буйные заросли

1983

2010

1.

Длинношеее

ПРОДОЛГОВАТО
стремящееся

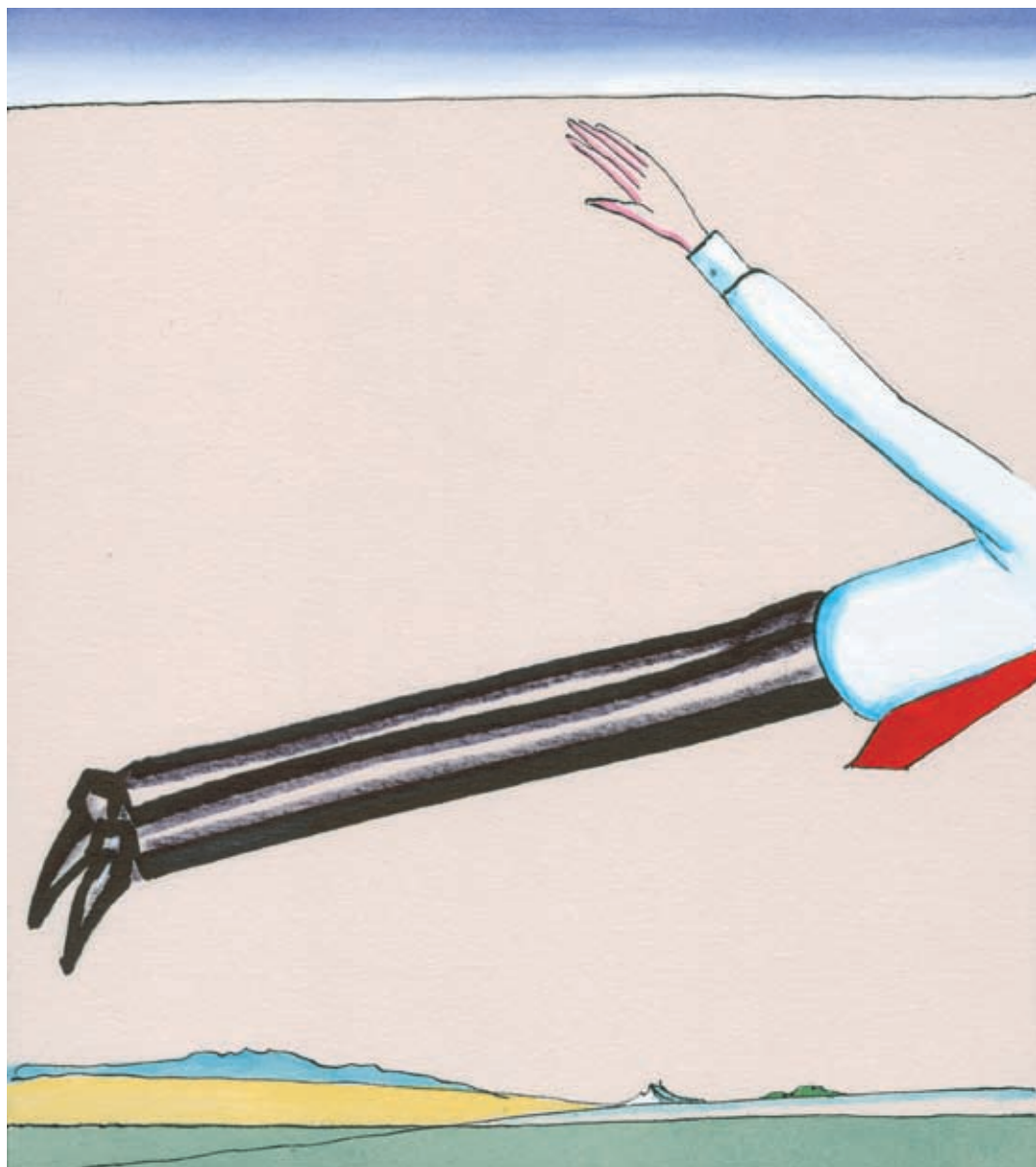
КУДА-ТО

существо

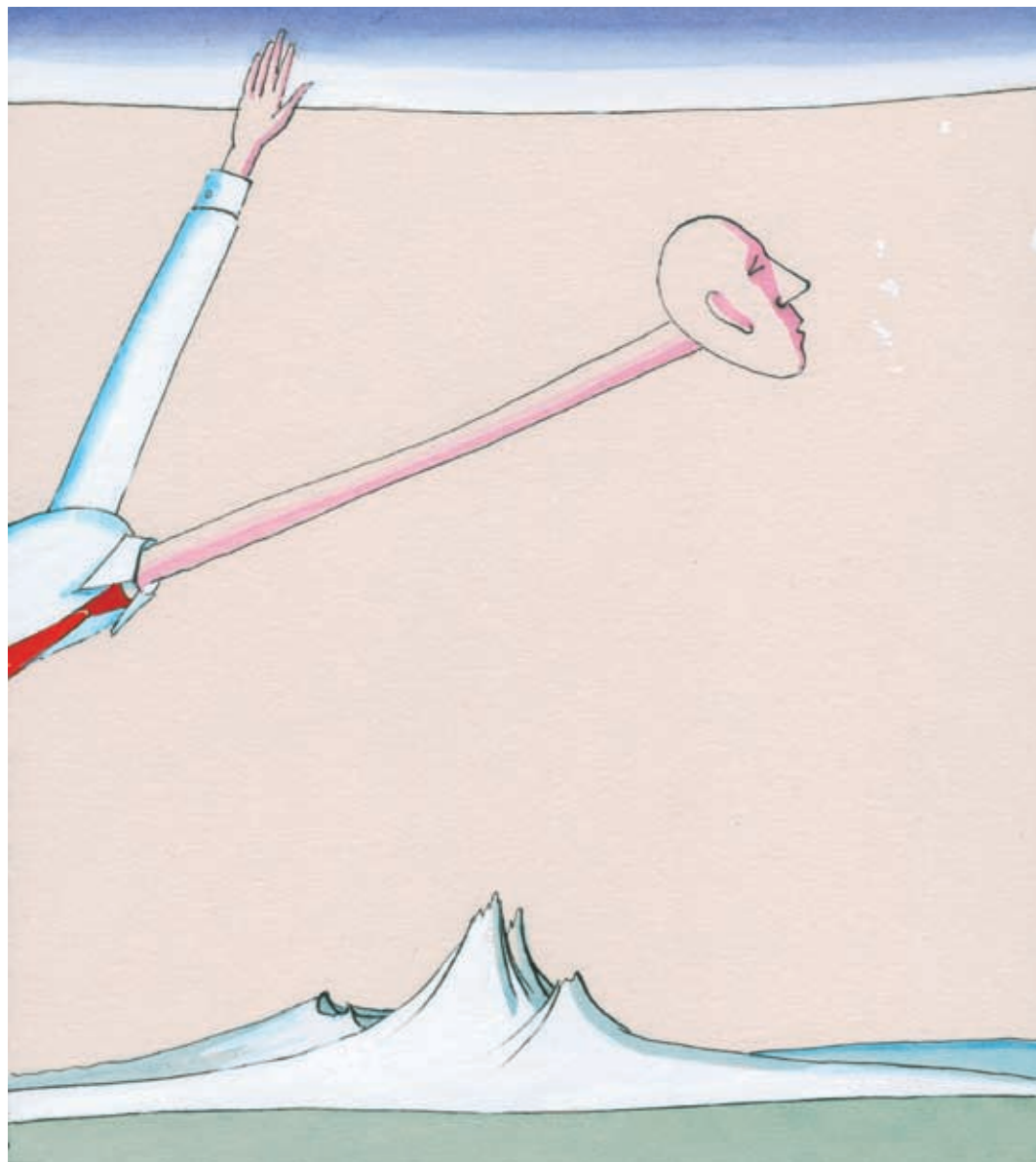
ЛЕТЕЛО

В ВОЗДУХЕ

2.

три.

4.

5.

6.

СКАКАЛО

С ОСТРОВА
НА ОСТРОВ

принюхиваясь

к запахам

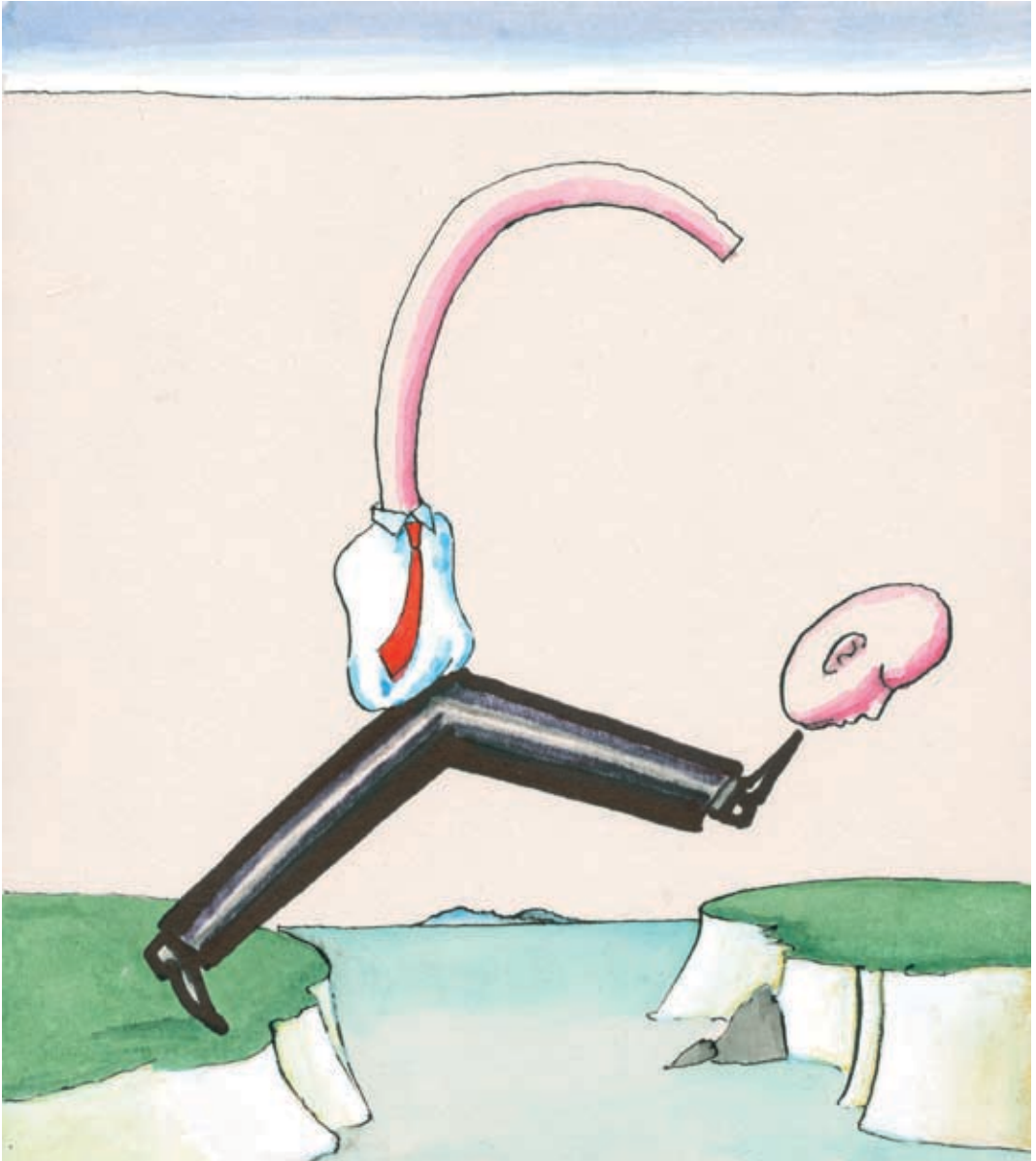
ВЛЕКУЩИМ

с
т
а
т
ь

ЗАПАХОМ,
НИЧЕМ,

мгновенным дуновением

семь.

ЛИЗАЛО

ЗВЕЗДЫ

ВЫТЯГИВАЯ ШЕЮ
ВСЕ ДЛИННЕЙ, ДЛИННЕЙ, ДЛИННЕЙ

ДО ИСТОНЧЕНИЯ И

Р
А
З
Р
Ы
В
А

9.

Длинношеее:

-Допустим, жизнь одно и тоже
что не жизнь.

какой же **ВЫВОД** из этого
и **ВЫХОД**

11.

А МЕЖДУ

тем

ТЕЛЕГА ЖИЗНИ

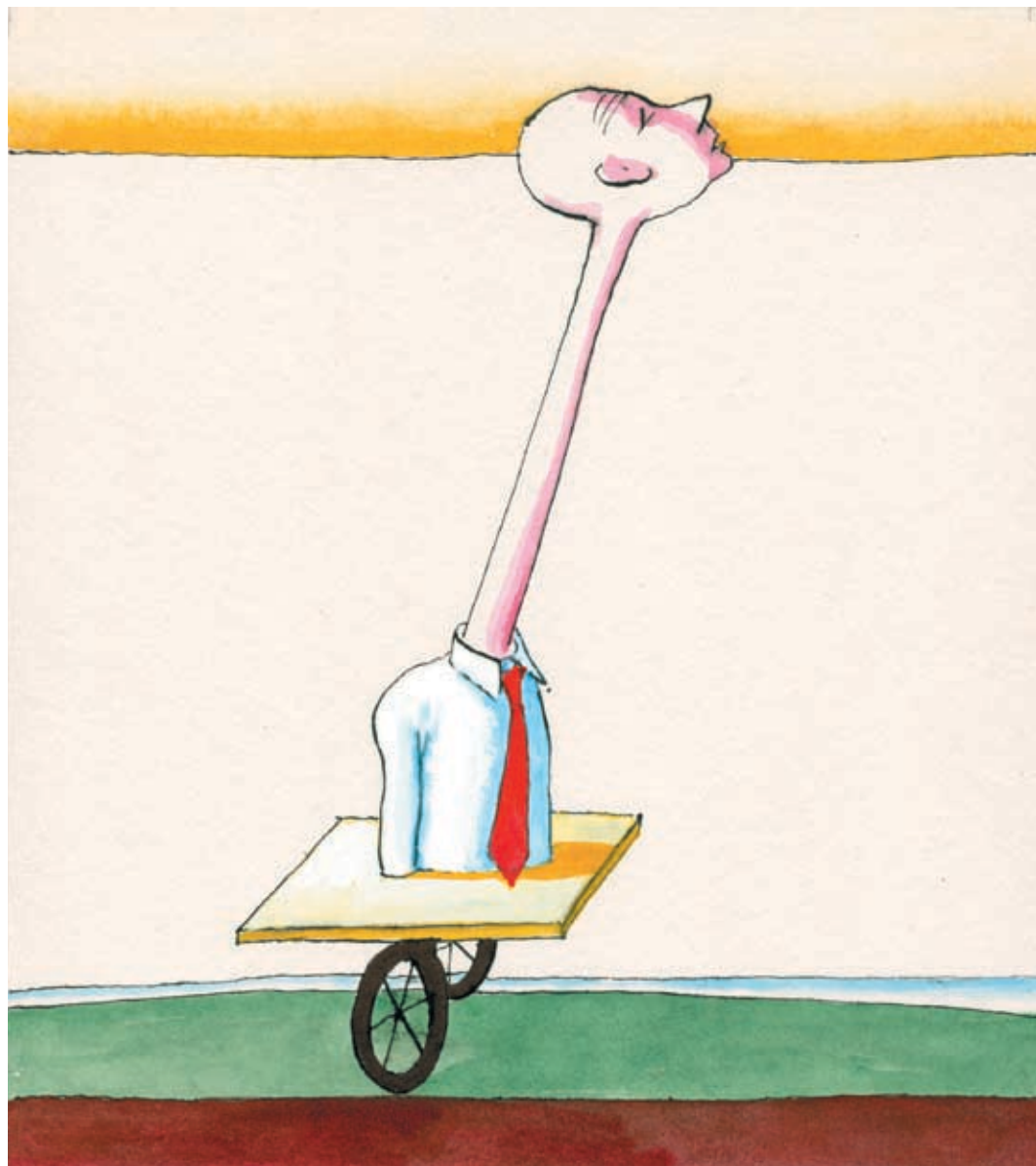
везет
меня
неведомо
куда

Мучительно я всматриваюсь

в **НЕБО**

Но никакого ответа оттуда
не **РАЗДАЕТСЯ**

13.

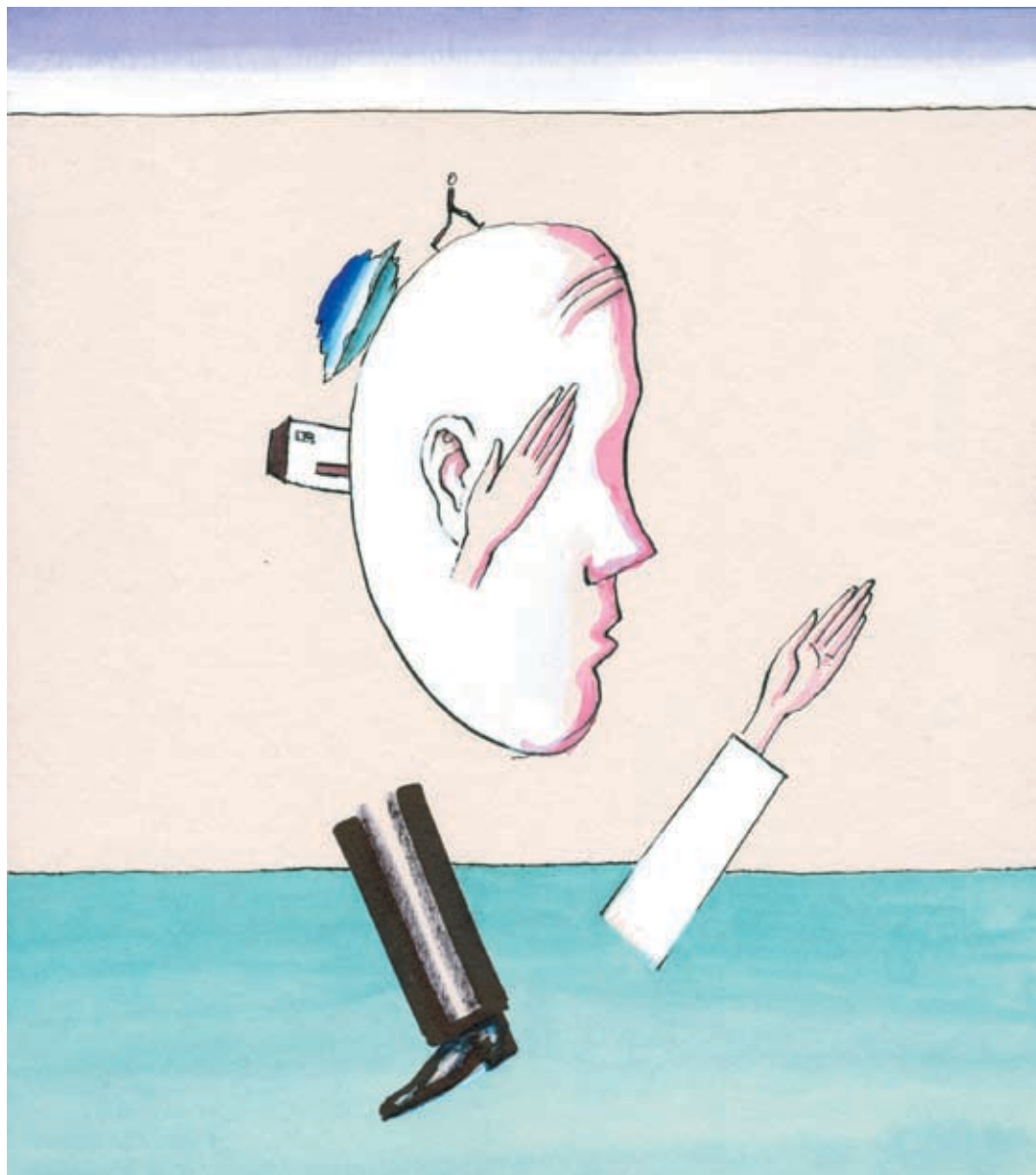
14.

Один ли я?
Или нас много?
И кто **МЫ**?

Или **ЧТО** мы?
И что есть **час**?

ПОДЧАС
Вопросы эти
ДЛИННОШЕЕ
Одолевают
Н
А
С

15.

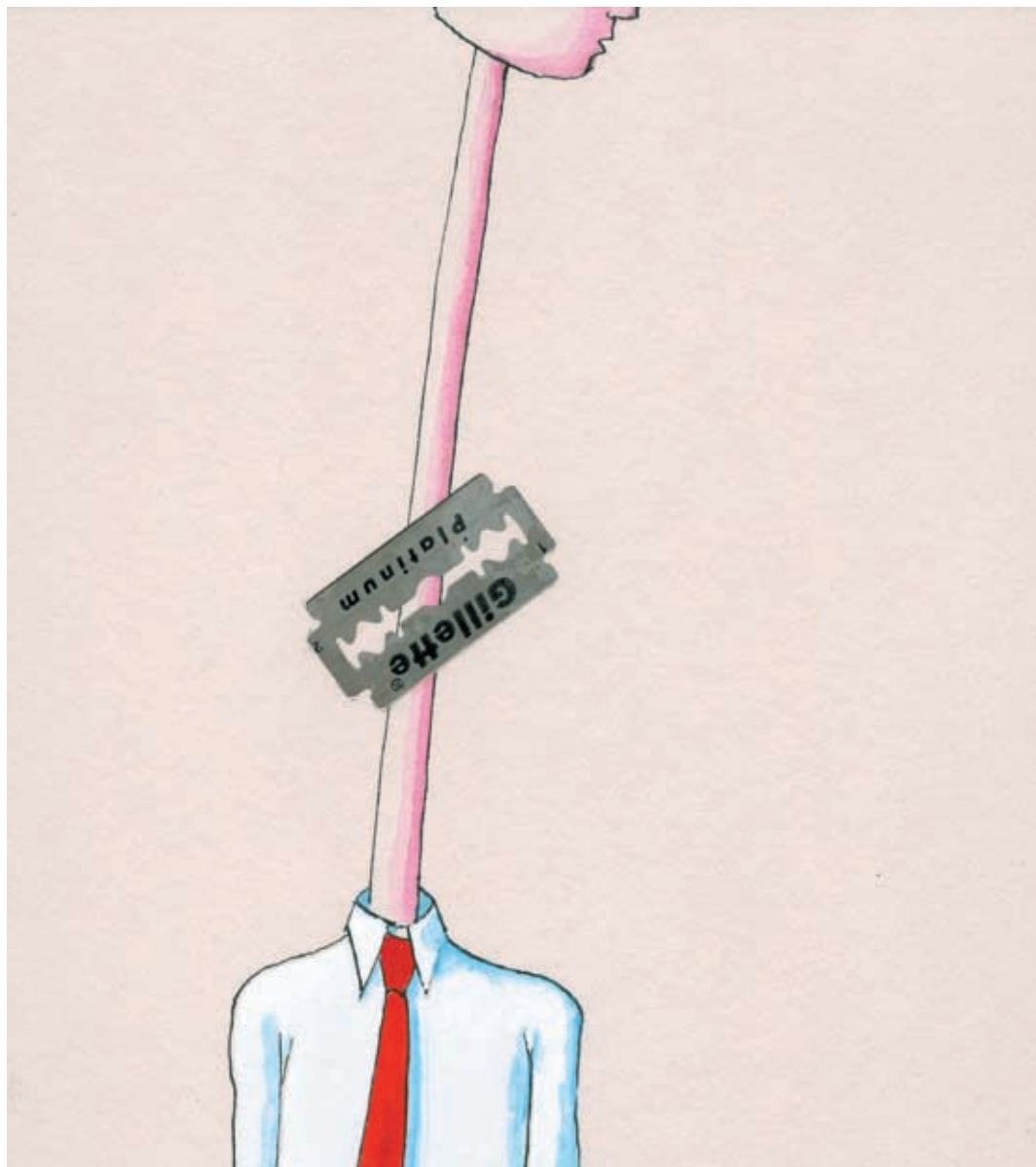
16.

И как легко ведь эту шею
Перерезать
Всего лишь –

ВЖИК!

И нету ничего.

17.

18.

Но жук ползет
Суча восьмью ногами
И моль летит
Маша крылами
И завтрак с булкой свежей
На траве

19.

А я в траве улиткой проползу
Душа **ТРАВЫ** вливается в меня
Душа **РОСЫ** впивается в меня

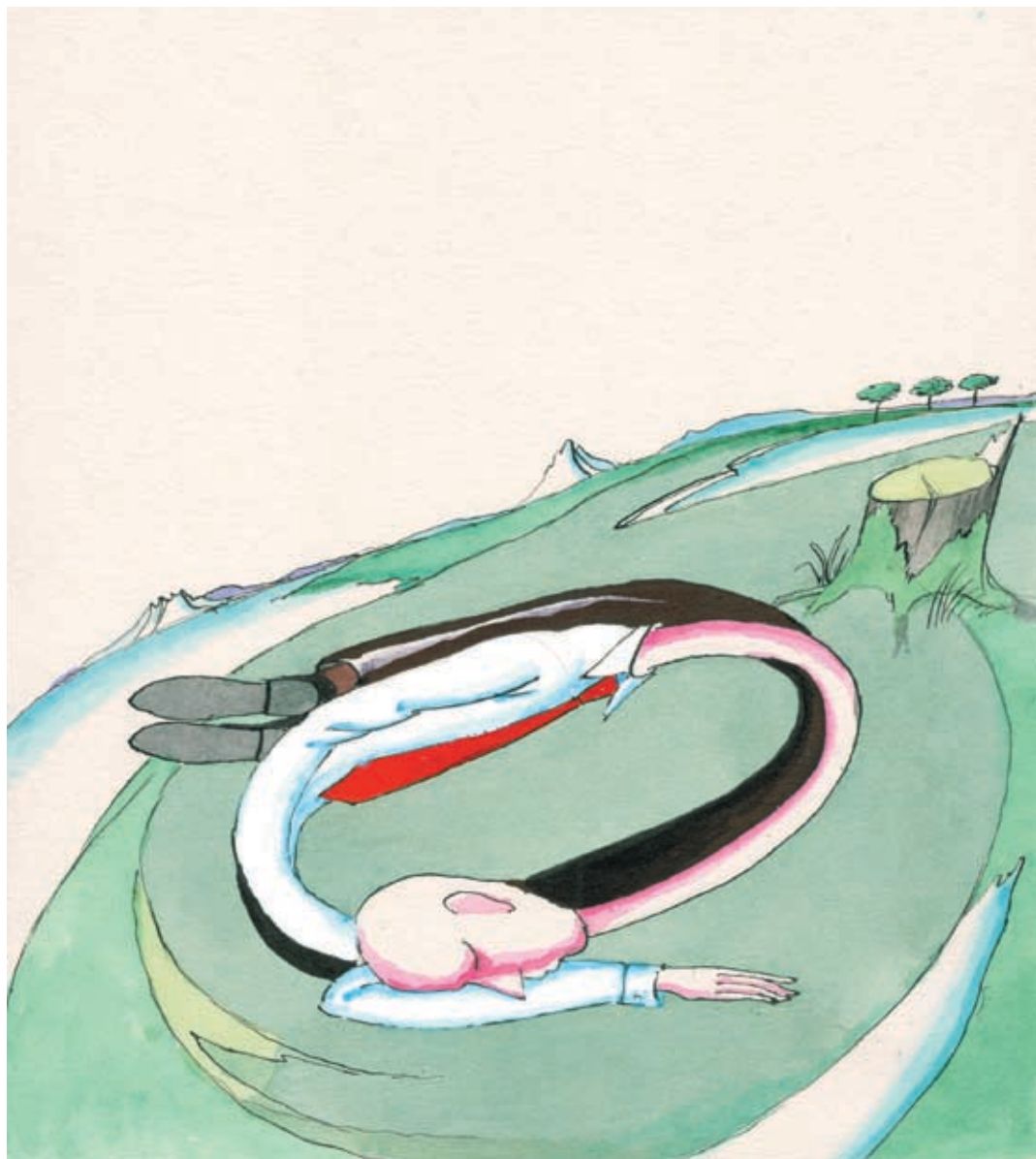
и
ш
е
я
д л и н н а я
при
этом
мне совершенно
н
е
мешает.

21.

Потом где-нибудь на поляне
свернусь ужом и буду дремать
на солнце.
Словно блики на воде за закрытыми
веками будут прыгать и плясать
солнечные ангелы.

23.

«Длинношеее существо» в своем первом варианте
в виде рукописной книжечки с рисунками
было выполнено в 1983 году как подарок
к семнадцатилетию моего сына П.П.
В настоящем издании текст полностью сохранен.
Графическое оформление и иллюстрации 2010 года.

В О П Р О С Ы

И

О Т В Е Т Ы

1979

Исчезновение Микрогнуса за горизонтом неизвестного пространства.

Осознание: Выход Микрогнуса из поля действия приборов.

В результате научного эксперимента было произведено искусственное уменьшение реципиента, получившего условное наименование Микрогомус.

К сожалению, эксперимент после целого ряда удачных операций вышел из под контроля, и исследуемый объект Микрогомус исчез за горизонтом неизвестного пространства.

В ходе дальнейшей работы был создан транскомуникативный преобразователь, с помощью которого удалось установить связь с Микрогомусом и задать ему ряд вопросов.

В. – Вы меня слышите?

О. – Да, я вас слышу.

В. – Как вы себя там чувствуете?

О. – Где там?

В. – Там, где вы сейчас?

О. – А, тут? Тут хорошо.

В. – Могли бы вы рассказать подробнее?

О. – Видите ли... Не знаю,
что, собственно, вас интересует.

В. – Ну, например, есть ли там деревья? Цветы? Трава?

О. – Как бы вам сказать... В некотором роде да.

В. – Ну, а животные там есть?

О. – Это очень трудный вопрос. Кажется, есть. Но...
Мне трудно объяснить.

В. – Ну, а где вы живете?

О. – Что?

В. – Я спрашиваю, где вы живете? Есть ли у вас дом или что-то в этом роде?

О. – Мне трудно на это ответить.

В. – Но вы все-таки попробуйте.

О. – Я живу в бутылке.

В. – В бутылке?

О. – Да.

В. – Вам там хорошо?

О. – Хорошо

В. – Но там хотя бы уютно, чисто?

О. – Да, там чисто.

В. – А друзья, знакомые у вас там есть?

О. – Да, есть.

В. – О чем вы с ними говорите, когда встречаетесь?

О. – Мы? Мы не говорим.

В. – Что же вы делаете, если не говорите?

О. –

В. – Не слышу?

О. – Я не могу объяснить.

В. – Ну, а есть там дурные люди, неприятные?

О. – Не знаю. Я этим как-то не очень интересуюсь.

В. – А чем вы интересуетесь? Вы чем-нибудь там занимаетесь?

О. – Да, я занимаюсь флоо.

В. – Флоо? Это какие-то растения? Или бабочки?

О. – Не знаю. Мне трудно объяснить, но это что-то вроде этого.

В. – Значит, вы занимаетесь наукой?

О. – Нет.

В. – А что же это? Искусство? Хобби?

О. – Нет, это что-то вроде снега. Очень белое.

В. – Что же вы с этим вроде снега делаете?

О. – Ничего.

В. – Ну, а другие тоже чем-то занимаются?

О. – Другие? Может быть.

В. – А бывает вам очень весело?

О. – Да, нам бывает очень весело.

В. – А грустно бывает?

О. – Да, бывает и грустно.

В. – Ну, а посещаете вы другие места?

О. – В этом нет необходимости. Здесь все есть.

В. – А есть ли там у вас какие-нибудь развлечения?

О. –

В. – Я спрашиваю о развлечениях – музыка,
игры какие-нибудь?

О. – Мне трудно на это ответить.

В. – Простите, я кажется задаю слишком много вопросов?

О. – Да, я немного устал.

В. – Последний вопрос. Вам там лучше, чем здесь?

О. – Пожалуй, лучше.

Впрочем, не знаю. Мне надо поду.....

Временное прекращение эксперимента.

Особые пометки: Дальнейшие исследования будут сосредоточены на проблеме "спичечного коробка" и восстановлении связи с Микрогнусом.

O Dyne.

9

○ Восх. 8.10
Зах. 17.19
Долгота
дня 9.09

☾ Посл. четв.
11 февраля
Восх. 0.01
Зах. 9.32

-40 +326

ФЕВРАЛЬ

ВТОРНИК

Казашка Катя. Фрагмент
Художник Т. Шевченко

Всякая душа, допускающая причастность себе, имеет с одной стороны, вечную сущность, а с другой, временную энергию.

В существовании всякое сознание дру-
гого предмета есть самосознание.

В конце концов всё и всякий становятся
спиритуализованными.

главное

иметь
свой

диван

В КВАРТИРЕ

Голос первый: Ёб твою мать, куда же он закатился?

Голос второй: Тише, тут ведь дети.

Следовательно, тело, первично одушевленное и первично зависимое от каждой души, вечно.

Всякая душа или божественна, или изменяется из ума в не-ум, или занимает среднее между ними место, и хотя всегда наделена умом, но более скудна, чем божественные души.

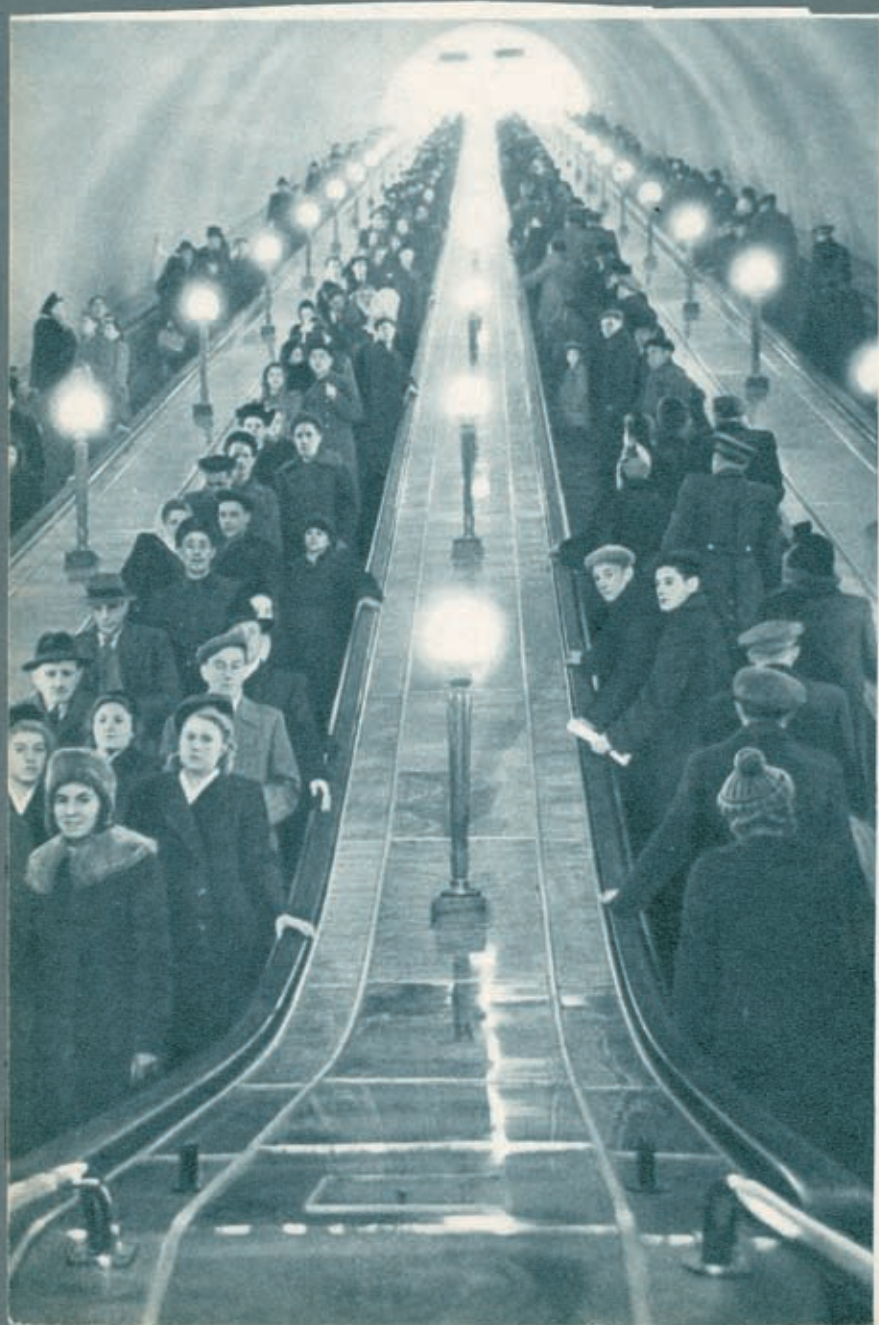

Мы мороза не боимся
И не прячемся в дома,

Мы с горы на санках мчимся!
Здравствуй, зимушка-зима!

Всякая душа есть все вещи: чувственные —
в виде образца, умопостигаемые — в виде
образа.

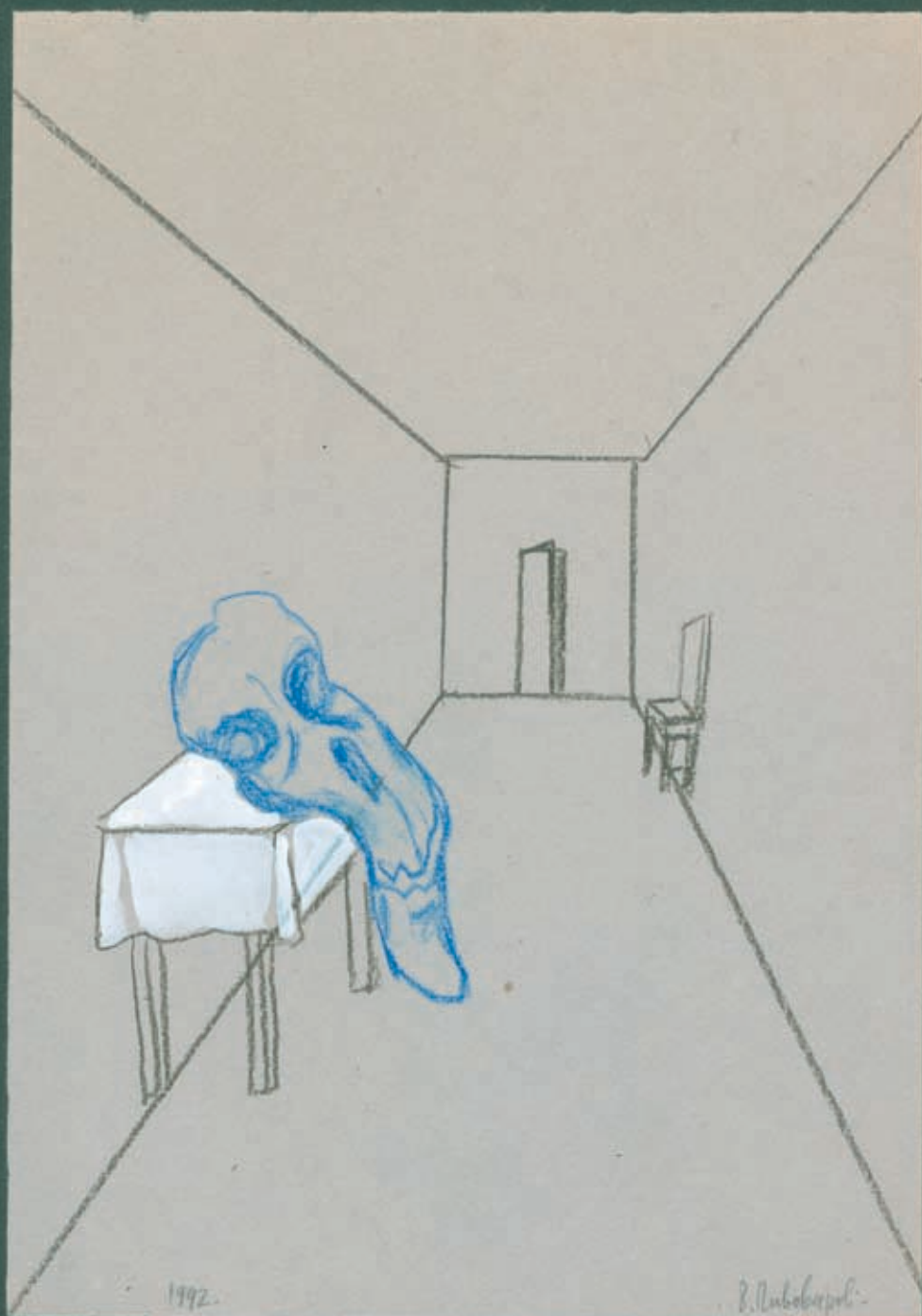

Но душа ведь бестелесна и вне всякого
субстрата существует в самой себе и воз-
вращается к самой себе.

И хотя душа стремится отделиться
от тела и вернуться к своему ис-
точнику это может произойти только
экстатическим путем.

А то, что лишается души, тотчас же становится безжизненным. Поэтому оно живет или благодаря душе или благодаря чему-то иному, а не душе.

Монах
РАБИНОВИЧ

Переводчик
с китайского

Дорогой друг!

В прошлый раз Вы обратились ко мне с просьбой высказаться по поводу лимона. Было это в связи с подготовкой Вашей выставки «Едоки лимонов». Просьба эта была неожиданной, она вырвала меня из привычного круга моих медитаций и размышлений и вернула меня к воспоминаниям о моей прошлой жизни. Я писал Вам, что Ваше вторжение парадоксальным образом оказалось полезным для меня. Оно позволило по-другому, в несколько ином свете, увидеть предметы, которые волнуют меня самого, за что я Вам крайне признателен. Теперешняя Ваша просьба еще более неожиданна. Вы просите меня прислать мои ранние поэтические опусы, которые когда-то, в совсем другой жизни, я имел неосторожность Вам показать.

Более того, Вы просите у меня разрешения опубликовать эти опусы в готовящейся к печати книге, которую намерен издать вологодский меценат и издатель Герман Титов.

О Германе Титове в своем далеке и одиночестве я ничего не слышал, но то, что Вы пишете о нем, достаточно, чтобы составить о нем мнение как о серьезном и увлеченном человеке. Безусловно, начинание его достойно всяких похвал.

Вопрос, однако, в другом. То, что Вы называете моими ранними поэтическими опусами, никакими опусами, никакими стихотворениями назвать невозможно. Это всего лишь заготовки стихотворений. Более того, это обломки заготовок. Я крайне смущен Вашей просьбой опубликовать эти жалкие

обломки, очень долго колебался, и только уважение к Вам и одно из правил, которым я руководствуюсь в своей теперешней жизни, а именно – никому ни в чем не отказывать, подвигло меня к тому, чтобы удовлетворить Вашу просьбу.

Прошу Вас, дорогой друг, хотя бы сопроводить публикацию этих опусов настоящим письмом, из которого потенциальные читатели (я сильно надеюсь, что их будет всего лишь горстка) поймут, что у меня самого нет никаких поэтических амбиций, и простят мне мою дерзость прикосновения к поэтическому слову.

Хочу только пояснить, что эти заготовки возникли очень давно в период, когда я занимался переводами с китайского. Я использовал классическую форму китайского пятистишия и пытался найти адекватную замену классических образов и атрибутов китайской поэзии, как-то: беседки, зонтики, ширмы, орхидеи, небесные мыши и яшмовые лютни – близкими нам образами из окружающей нас жизни. То, что эта попытка полностью провалилась, я думаю, очевидно каждому даже не очень искушенному любителю поэзии. Да простит меня читатель.

С уважением и пожеланием стойкости в той жизни, в которой мы оказались,

Монах
Рабинович.

Монах Рабинович
СЛОВА ДЛЯ СТИХОВ

.....иду.....платформа.....
дачная веранда
.....окно.....
.....заглядывать
.....темно.

Зачем.....
.....нет-нет.....
.....смеркается
.....
и мокрая подушка.....

.....злой человек.....
(советский).....волк
.....уже.....душевное.....
.....
.....остывший.....

Веревка.....
.....плачут.....
Белый подоконник.....
.....туманно
.....но.

Доска лежит.....
.....день
мокрая.....
.....кругом.....
гвоздями.....тени.

.....вино.....
и междометие.....
.....сосок.....
стучится.....розовый
.....смеяться.....

.....нет.....
.....в магазине
чайник.....гороскоп.....
снут, снут.....
.....крошечные.....

.....горчит.....
.....и желтый
кислота.....
.....влажных губ
.....без поцелуя.....

.....подмышкой.....
мысли.....месяца.....
.....Философ.....
.....прощание
.....вода.

Нет.....пусто
.....книги.....в уста
.....ботинки.....
.....плачет.....
.....океан.

Как конь.....
.....суровый.....
.....в переулке.....
тут?... там?.....
.....не стоит слез.

Ушли.....
пустой.....
.....
.....забытая
.....на стуле.

.....шуршит.....
.....усатая
...тарелка супа.....
гвоздем.....
.....в висок,

.....в щелочку
ласкает.....

.....
сад.....или.....
.....ничто.....

Осенний.....
.....монастырь
.....шуршать, шуршать
вдруг озеро.....
.....лисиčky.....

.....винить.....
Простые.....
.....буквы
.....старые очки.....
в траве.....

Синеет.....тополь
.....крылышки.....
поджарить.....
.....костер потух
Вернется.....или нет.

Совсем доверчиво.....
.....часы
.....раздвинуть стрелки
...и.....
.....закрывать глаза.....

.....нет.....прикоснуться
солнечный.....домой.....
.....вершины.....
.....снег.....легко
.....воздушно.

.....тихонько.....

Клюква.....

.....распустила волосы

.....

.....ночная.....

Штаны.....
.....коричневый
.....сушить
.....
.....утюг.....

.....стена.....
.....сқақалқа.....
лестница.....горошек
любить.....
.....если не любит.

.....и страх.....
.....конечно
может быть.....
.....подвинуть.....
Повисло и висит.....

Ушла.....
.....пустая.....
.....лампочка
немножко
.....дырявый.....озорник,

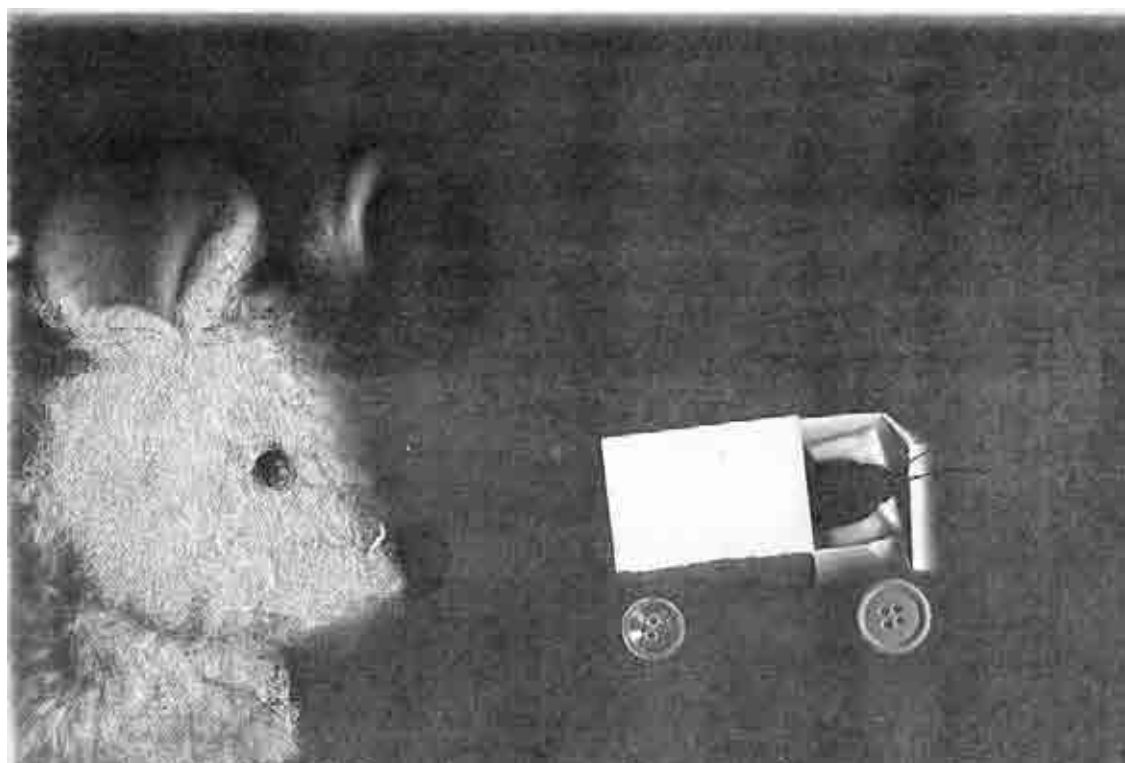
.....қролик.....
..светлый день.....
.....пропало
.....қақ всегда.....
.....прохладных губ.

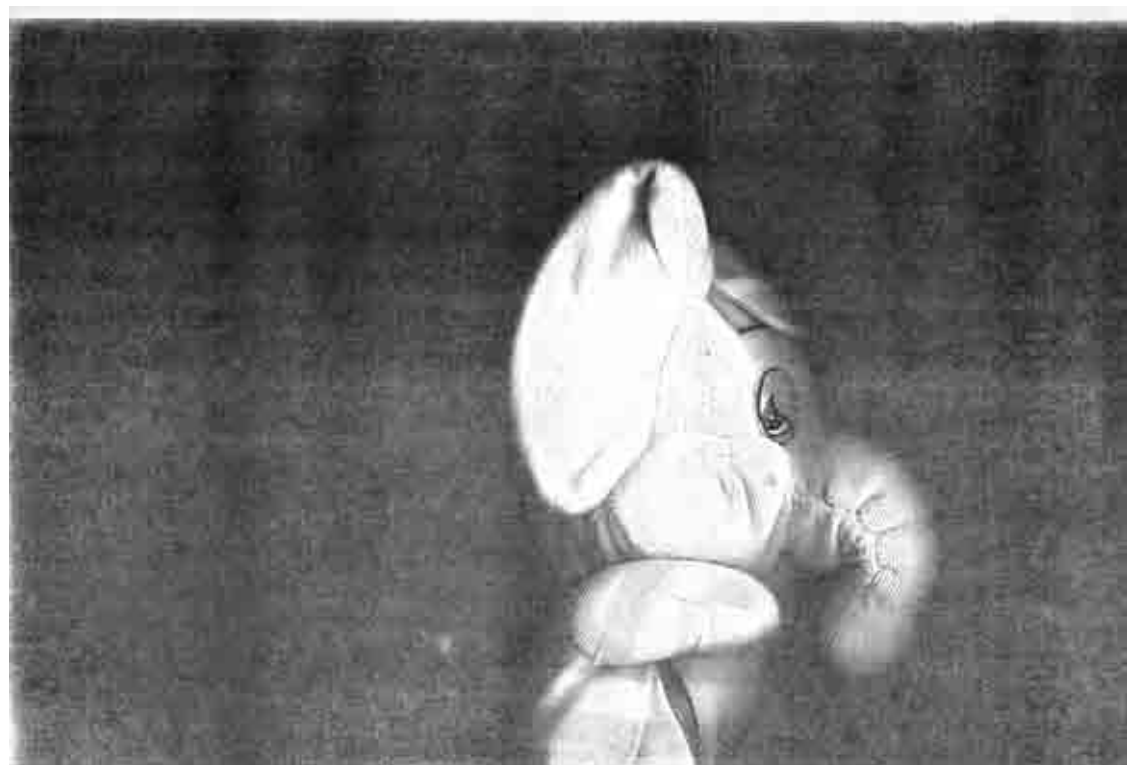
.....волнуется.....
летит.....и сын
.....садится солнце.....
.....капельки.....
.....вино.....

Тонкий лед.....
.....не холодно
на ноги.....
.....кататься, падать
.....и любить.

ПОХОРОНЫ ТАРАКАНА

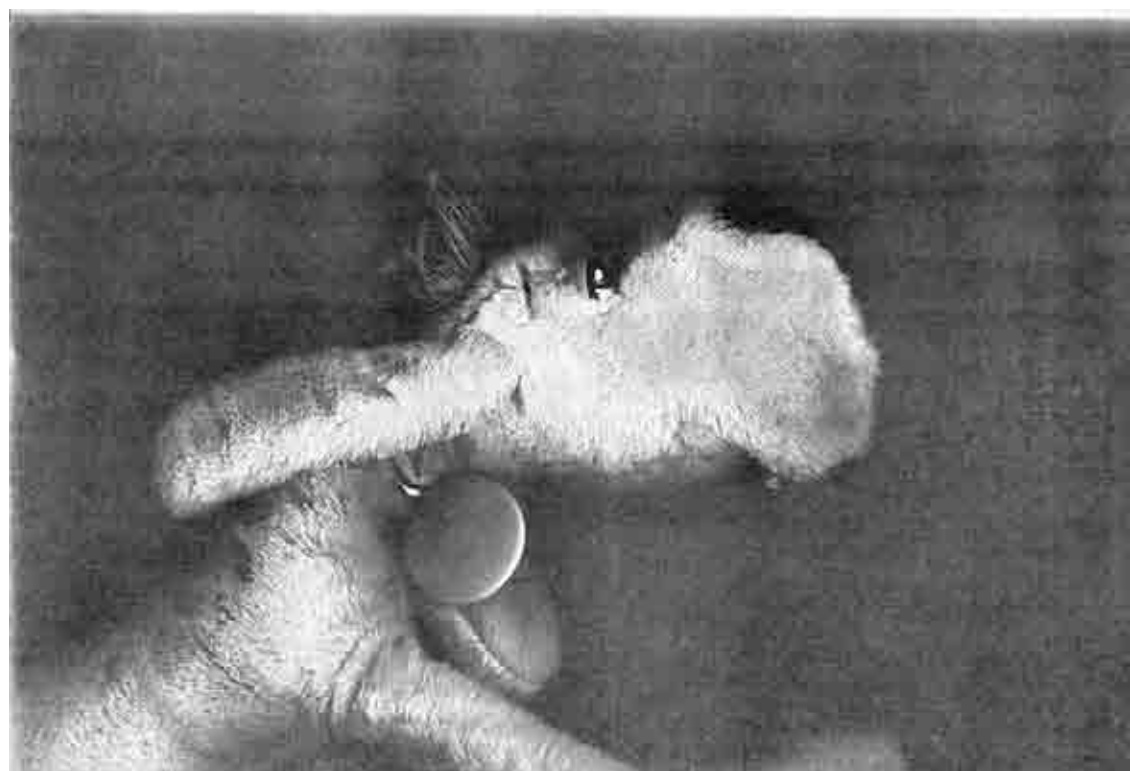

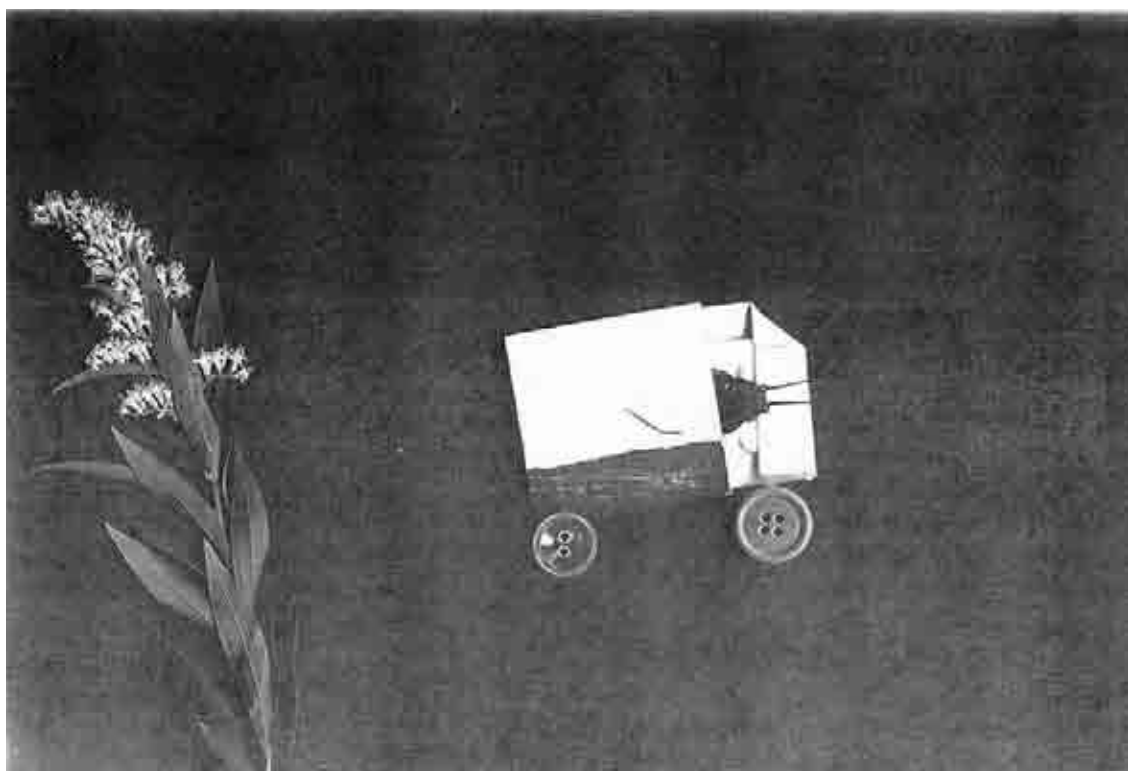

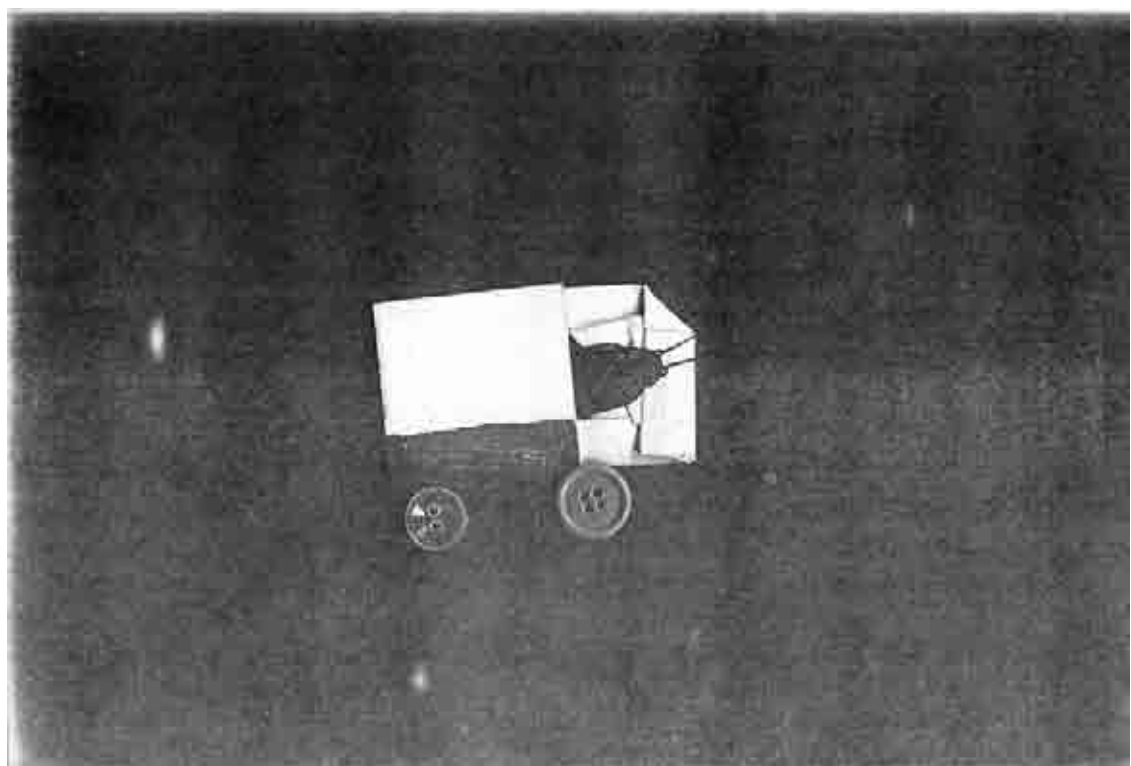

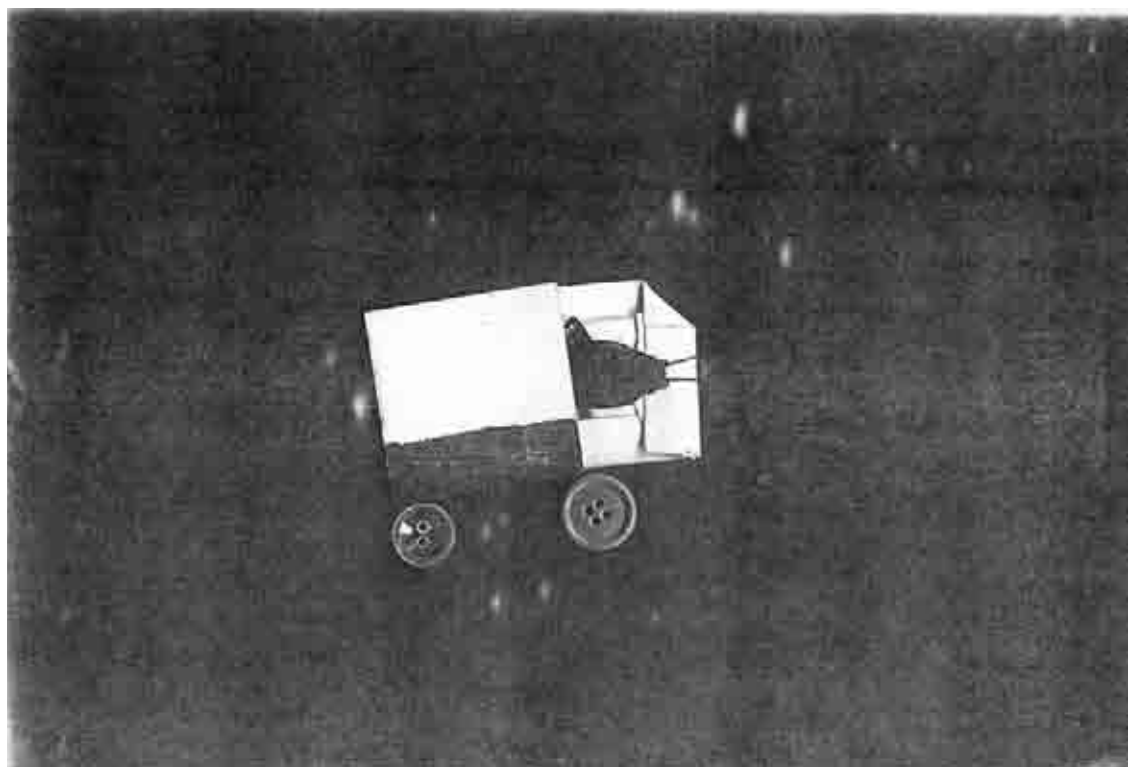

О ПОЭТАХ

1992.

В. Пубоваров.

ПОЭТ ЛАЗАВШИЙ ПО ДЕРЕВЬЯМ

Один поэт очень ловко лазал по деревьям.

Иногда, правда, он падал и больно ушибался. Когда это случалось, он ложился в постель, ставил рядом на табуретку бутылку коньяку, блюдечко с дольками лимона и тетрадь. Поэт подробно записывал в тетрадь свои ушибы и синяки, как они меняли свой цвет и форму, какие ощущения испытывал он сам и как реагировали его приятели и любимые женщины. Потом ушибы и царапины заживали, и поэт снова лазал по деревьям.

Когда подобных описаний накапливалось достаточное количество, он издавал их отдельной книжечкой.

ПОЭТ РАЗВРАТНИК

Один поэт был ужасный развратник.
Каждый вечер новую девицу приводил.
То рыжую, то черную, то в белых чулках, то в крас-
ных.
Одни были тонкие и худые, другие полненькие, были
и так себе, никакие.
Вели себя девицы тоже по-разному. Некоторые крича-
ли и царапались, некоторые кусались, а девушки по-
скромнее лежали просто так, закрыв глаза.
Иногда все это происходило в темноте, иногда при элек-
тричестве, а иногда при зеленоватом свете аквариума
с рыбками и лампочкой внутри.
Все-таки какое-то разнообразие.

ПОЭТ И УТИНЫЕ ЯЙЦА

У одного поэта была утка. На даче, конечно.

Утка несла ему яйца.

Утиные яйца были невкусные, и поэт никогда их не ел, даже яишницу не делал. Зато он писал на них стихи.

Когда из яиц вылуплялись утята, от этих стихов оставались только скорлупки. Поэт собирал их в коробку от ботинок, чтобы потом эти скорлупки сложить и переписать стихи в тетрадь. Но скорлупки слипались в один ком, вернее, кирпич. Поэт иногда для близких друзей вытаскивал из коробки этот кирпич и говорил: «Вот мои стихи!»

Друзья вертели головами, пытались прочесть обломки слов.

Кирпич всем очень нравился.

ПОЭТ КОТОРЫЙ КАЖДЫЙ ВЕЧЕР УМИРАЛ

Один поэт каждый вечер, когда ложился спать, умирал, а каждое утро воскресал.

Все вроде было нормально, но умирание все-таки было очень мучительно. Никак невозможно было к нему привыкнуть.

Тогда поэт обратился к своему Богу с просьбой, чтобы тот выбрал что-либо одно: или сделал его бессмертным, или дал ему возможность умереть.

Бог какое-то время не мог решить, что делать. Ну, а потом пришлось все-таки просьбу поэта удовлетворить.

ПОЭТ И РЕЙКИ

Один поэт решил смастерить книжные полки.
Книг скопилось столько, что не было от них проходу.
По случайности дощечки для полок у поэта были. Нужны были еще рейки, шурупы и другие важные для такой работы предметы.
Поэт поехал в специальный магазин и очень удачно купил все необходимое.
Заодно зашел рядом в продукты запастись едой и чем-нибудь сладким к чаю.
Запихивая продукты в сумку, он прислонил купленные рейки к стене, и в этот момент его внимание отвлекла какая-то немолодая старуха, которая страшно громко и преотвратительно кашляла.
Уже подходя к дому он спохватился, что забыл рейки в магазине.
Без всякой надежды отправился поэт снова через весь город сначала на метро, потом на автобусе в магазин, где оставил рейки.
К радостному его изумлению, рейки стояли на своем месте. Странно, что такой необходимый каждому предмет не украли.

В весьма приподнятом состоянии поэт возвращался домой, с нежностью поглядывая на свои рейки. К тому же погода была необычайно чудесная. Был, похоже, первый весенний день, солнышко блестело повсюду и небо было совершенно просветленное.

В метро народу в этот час было уже порядочно. Поэт стоял, зажатый со своими рейками, в проходе и через локоть какого-то человека в кожаном пальто увидел девушку. Собственно головы и соответственно лица девушки он не видел, он увидел только ее нижнюю часть, в смысле колени, на них книжку и руку, эту книжку листавшую. Нет-нет, не колени привлекли его внимание, а книжка, которая была с картинками. На картинках были нарисованы разные мыши, жуки и лягушки в уютных комнатах и норах.

Занятная, однако, книженция, подумал поэт. Странно, но я такую не знаю.

Он как-то изогнулся через кожаный локоть, закрывавший ему лицо девушки, и перед самой своей остановкой умудрился спросить у нее, что это за книжка.

Девушка охотно показала ему обложку книги с названием и именем автора и даже улыбнулась.

А может, ему так показалось.

В любом случае, день сложился необычайно удачно.

ПОЭТ НА ДИВАНЕ

Один поэт лежал на диване.

В голове его мелькали разные образы, как будто кто-то невидимый переключал с невероятной быстротой телевизор со множеством программ.

Поэт хотел хоть что-то рассмотреть как следует, но это не получалось.

Тогда поэт встал с дивана и подошел к окну. За окном две девочки скакали через веревочку. Какая-то дама вынесла мусор на помойку. Соловей шел по ветке дерева и трогал носом кору.

Поэт постоял немного у окна и пошел на кухню поставить чайник.

ПОЭТ КОТОРЫЙ СОШЕЛ С УМА

Один поэт сошел с ума.

Ему казалось, что все его ненавидят. Что против него строят козни. Что его не печатают из-за интриг его врагов. Что его хотят сгноить, уничтожить, сжить со света. Особо больной точкой его безумия стал некто Пушкин. Не тот великий Пушкин, а довольно слабенький поэтишко, когда-то бывший его приятелем.

Ему казалось, что все его несчастья от этого Пушкина и его, как он говорил, банды или мафии.

При этом сам этот Пушкин жил себе припеваючи, спал с разными редакторшами, пил с какими-то директорами, пудрил мозги молоденьким доверчивым девушкам, что он потомок того самого Пушкина, и меньше всего в жизни его интересовал его бывший приятель.

Бедный поэт наш страдал, однако, безмерно. В стихах его даже все чаще стали появляться какие-то лисы, а разумные речи его друзей, что никакого Пушкина и его мафии не существует, не производили на него никакого впечатления.

Что можно сказать в этом случае?

Только печально развести руками.

ПОЭТ КОТОРОГО НЕ ЛЮБИЛИ ЖЕНЩИНЫ

Одного поэта не любили женщины.

Трудно сказать почему. Может быть, он правильный подход к ним не мог найти, а может одевался неудачно.

В любом случае, он от этого ужасно мучался.

Наконец одна нашлась.

Стали они встречаться. Нельзя сказать, чтобы какая-то безумная любовь была, но все-таки женщина, тело, белье с кружевами.

Потом, однако, как-то неудачно пошло. То она одно хочет, то другое, какие-то капризы.

– Да ну ее на хуй! – подумал поэт и стал жить один.

Книжки читал, гулял по улице, пописывал.

Странно, но и с женщинами у него лучше пошло. Стали приходить к нему. Некоторые просто так ходили, некоторые на ночь оставались.

Что еще человеку нужно.

ПОЭТ И АРБУЗ

Один поэт купил арбуз.

Арбуз был сладкий. Поэт съел два куска, потом еще два. Остальное поставил в холодильник.

На следующий день попробовал, но арбуз был какой-то водянистый. А на третий день и вовсе не вкусный.

Пришлось большой кусок выбросить.

ПОЭТ КОТОРЫЙ МЫЛ ГОЛОВУ

Один поэт мыл голову.

Вдруг его осенило. Гениальное стихотворение, полное гармонии, силы и прелести, вспыхнуло в его сознании. Но голова и лицо его были в мыле, и он даже не мог открыть глаза.

Пока он смывал пену с лица и волос, пока вылезал из ванной, пока нашел карандаш и бумагу и попытался записать свой шедевр, он обнаружил, что память его в чем-то подвела. Он как будто помнил все слова, но как-то они не слипались друг с другом, что-то ритмическое и очень тонкое было упущено, и стихотворение разваливалось. Поэт испортил кучу бумаги, мучительно пытаясь вспомнить порядок слов, перепробовал все возможные комбинации – ничего не получалось.

Измученный и несчастный, он кое-как уснул с мыслью о том, что, может быть, утром на свежую голову у него что-то получится. Но и утром результат был столь же плачевный.

Тогда у него возникла, как ему казалось, счастливая мысль залезть в ванную и намылить голову. Вернуться, так сказать, в исходную позицию.

Он сидел в ванной с мыльной шапкой на голове несколько часов, но все было напрасно.

Проходили дни, недели, месяцы, и мысль об утраченном шедевре превратилась у него в настоящую манию. Поэт ежедневно мыл голову, порой даже два или три раза в день. Он не только забыл все слова своего несчастного стихотворения, но часто залезал в ванную в полном беспамятстве, не зная, что и зачем он совершает.

Кончилось это тем, что от частого мытья волосы у него все вылезли и он полностью облысел.

Мало помалу, однако, время, заботы друзей и летние купания в теплом южном море привели его в более или менее удовлетворительное состояние. Более того, он даже придумал, как использовать свою лысую голову. Он стал писать на ней короткие стихотворения или отдельные поэтические слова и в таком экстравагантном виде появлялся в капризном и избалованном столичном обществе. Всем это очень нравилось, и он прослыл как оригинальный авангардный поэт.

Единственной трудностью было писание на затылке с помощью зеркала. Но он, будучи человеком упорным, справился и с этим и даже добился известной виртуозности.

Вот видите, как несчастье можно повернуть совсем в противоположном направлении.

ПОЭТ И ДВЕ ЕГО КЕПКИ

У одного поэта было две кепки.

Одна черная, плюшевая, другая коричневая, из вельвета.

Черную он надевал, если шел на выставку или в концерт, или еще в какое-либо место, где много людей и женщин.

Коричневую он надевал для одиночества. В ней он бродил по заброшенным предместьям или вдоль реки, на которой заманчиво светились окна плавающих ресторанчиков, или в городском садике, где прогуливают собак и целуются молодые, еще ничего в жизни не понимающие влюбленные.

Шляпы поэт не носил.

ПОЭТ И ЕГО ПАПКИ

У одного поэта было несколько папок.

Такие картонные папки с тесемочками. Зеленые и серые. И одна оранжевая.

Чтобы напрасно не развязывать тесемочки, поэт на каждой папке приклеил бумажку с надписью.

На зеленой стояло «ОНИ». На другой зеленой «САМОЕ». Была папка с надписью «ЛЮ». Трудно сказать, что это означало. Может, инициалы, а может, от слова любовь.

Еще была папка «СНЫ И СТРАХИ». На оранжевой совсем странная надпись «ДУРАК».

Была еще крошечная самодельная тетрадка, на которой стоял только «!».

Что было в этих папках, наверное, никто никогда не узнает.

А интересно.

ПОЭТ И КИТАЙСКИЕ СВИТКИ

Один поэт восхищался китайскими свитками.

Вообще многое китайское ему нравилось. Он даже решил изучить китайский язык, чтобы в оригинале читать китайские стихи.

Один знакомый свел его с пенсионером синологом, и поэт стал брать у него уроки.

Ходил он к нему года три, пока старичок не махнул на него рукой. К китайскому языку поэт, при всем своем упорстве, оказался необычайно туп. За все это время он выучил всего два десятка слов, к тому же ни к чему не пригодных, которые единственные могла удержать его голова.

Параллельно начали с ним происходить странные вещи. Он как-то весь подсох, глаза у него сузились, а кожа как-то непристойно разгладилась, так что он стал похож на желтоватую фарфоровую бутылку.

Говорят, стихи он писать забросил и только что-то такое шептал разным распускающимся почкам и майским жукам.

Вобщем, ничего путного из него не получилось.

Выглядел он, однако, великолепно.

ПОЭТ ПУСТЫННИК

Один поэт возненавидел цивилизацию.

Удивляться тут нечему, цивилизация наша действительно не удалась. Озоновые дыры, фашисты всякие, политики один отвратительнее другого, девочек маленьких насилуют. Ужас!

Ушел он в лес, на крутом склоне оврага выкопал землянку, печурку даже откуда-то с помойки притащил, чайник, тряпки какие-то, и стал жить. Вечерами смотреть на закат, кузнечиков слушать, чаек из шиповника попивать, зимой и летом в озере купаться. Борода у него отросла до пояса, кожа задубела на ветру.

Питался он ягодами, грибами, кореньями всякими. Хотя вроде бы и одичал совсем, но для душевного тепла приютил двух здоровенных бездомных полуовчарок. Зимой так и спал с ними, одна впереди, другая сзади, спину греет. О мясном их питании заботиться ему не приходилось. Они сами себе еду добывали. Выпустит их поэт утром, а вечером они прибегут сытые и давай скакать вокруг него и лизать его мокрыми языками.

Иногда поэт появлялся в городе. Спички купить или хлебушком полакомиться. На помойке бутылки соберет – вот и деньги.

Был ли он счастлив, никто не знает. Спрашивали у него, но он говорить разучился.

ПОЭТ КОТОРЫЙ ХОТЕЛ СЛАВЫ

Один поэт страстно хотел славы.
Странно, конечно, но явление это почти повсеместное.
И некоторым это удастся, они прямо таки купаются
в славе. А его не признавали и не признавали.
Тогда поэт решил покончить жизнь самоубийством.
И такое с поэтами частенько случается.
Притащил веревку, табурет. Записку предсмертную на-
писал. Залез на табурет, постоял немного, а потом мах-
нул рукой: А пошли они все...
Запер квартиру, в магазине на углу купил водки, кол-
баски там, огурчиков, петрушки. Зашел к одной своей
знакомой и отправился с ней на электричке за город.
Там на опушке леса костерок соорудили, выпили, за-
кусили. Потом целоваться стали. И к более интимному
тоже дошло. Правда, только частично. У девушки дни
были плохие. Но все равно хорошо было.
Вернулся поэт в свою комнату совсем умиротворенный.
Лег на диван. Хмель и свежий воздух сморили его.
— Все-таки хорошо, что я не повесился, — подумал поэт
и сладко соскользнул в таинственное царство Морфея.

ПОЭТ УБИЙЦА

Один поэт решил кого-нибудь убить.

Странное желание, особенно для поэта, но в жизни всякое бывает.

Наточил он нож, сунул его за пазуху и вышел в темный вечер. Стал он ходить по разным подворотням, мрачным переходам и другим тревожным местам, но никто подходящий для убийства ему не попадался. Старушек или небольших детей ему все равно убивать было неинтересно. Он хотел бы убить какого-нибудь здоровенного, воняющего табаком и водкой мужика. Такого ему было бы не жалко. Но попадалась все какая-то мелкота.

К тому же нож за пазухой проткнул карман, держался только черенком за подкладку и колот его в ребра.

Наконец, у какой-то забегаловки подходящий экземпляр нашелся.

Поэт пырнул его куда-то в бок, как в подушку, и не оглядываясь, быстрым шагом скрылся в проходном дворе.

Дома он долго разглядывал свое лицо в зеркале и время от времени цедил сквозь зубы: — Не совместны, не совместны. Еще как совместны!

ПОЭТ И ЕГО СТИХОТВОРЕНИЕ

Один поэт написал стихотворение, от которого сам был в полном восторге.

Собственно, это было даже не стихотворение, а двустишие. Звучало оно так:

Один поэт купил насос
И целовал его в засос

Всем знакомым, которых он встречал, поэт бросался читать это стихотворение. При этом сам страшно смеялся, выглядел целиком каким-то помолодевшим и светился полным и принципиальным счастьем.

Те, у кого было чувство юмора, смеялись. Трудно сказать – стишку или поэту, который, согласитесь, выглядел комически.

Те, что без юмора, подозрительно косились, готовые на всякий случай, если их разыгрывают, обидеться.

Но поэт не очень вдавался. Он уже хватал за пуговицы нового возможного слушателя, чтобы и с ним поделиться замечательным, можно сказать – гениальным, сложившимся у него стихотворением.

Восторг поэта можно понять. Ведь до него никто-никто,
никогда-никогда за много лет существования людей на
земле ничего подобного не сказал.

ПОЭТ И ЖЕНЩИНА С ВОСТОЧНОЙ КНИЖКОЙ

Одного поэта пригласила в гости привлекательная молодая женщина. Приготовила ему ужин, что-то жареное. Красное вино налила в рюмки. Музыку включила, уютный полусвет. Сунула ему какую-то восточную книгу о любви. Рассказывалось там о любовных утехах одной женщины с двумя мужчинами одновременно. Описывалось причинное место этой женщины. Похоже оно было, как там говорилось, на кролика с отрубленными ушами.

Поэт покушал, выпил вино, отметил удачную метафору с этими ушами и ушел домой.

ПОЭТ КОТОРЫЙ ВСЕГО БОЯЛСЯ

Один поэт всего боялся.

Он боялся людей, боялся машин, боялся бродячих собак и самолетов.

Выскочит, бывало из дома в магазин за углом, купит хлеба, овсянки, огурец какой-нибудь, морковки кило и шмыг обратно домой в свою нору.

Он боялся пожара и наводнения, жары летом и морозов зимой, проливных дождей и комаров. Землетрясений он не боялся, поскольку в краях, где он жил, землетрясения не случались. Еще он не боялся деревьев и птиц.

А вот травы боялся. Он говорил: «В траве муравьи и разные ядовитые насекомые».

Друзья у него были. Приходили к нему, приносили пачку чая и книжки. Женщины ему были не нужны, их он боялся особенно. Глаза там разные, запахи, колени. Он говорил: «Зачем мне женщины, рубашки я и сам в ванной постираю.»

Боялся он воды, чтобы не утонуть. От высоты его тошнило. На балкон, например, он не выходил. Боялся яркого солнечного света и темноты, боялся жить и боялся умереть.

Псих, конечно. Поэт!

Недавно он умер. И знаете, прошло это у него довольно гладко. Может быть, не такой уж он был и трус, как о себе думал.

ПОЭТ ЛЮБИВШИЙ СЛАДКОЕ

Один поэт страшно любил сладкое.

Он так любил сладкое, как ничто другое.

Только маму, может быть, он любил больше. Это он сам так говорил. На самом деле без мамы он уже мог прожить, а без сладкого нет.

Все ему говорили, что это вредно для зубов и вообще, но поэт не мог пройти мимо выставленных пирожных и других всяких сладостей, которых, как назло, изощренная человеческая фантазия напридумывала безмерное множество.

Все-таки в какой-то момент поэт решил завязать. Выход был только один – выбить одну страсть какой-то другой. Стихи для этого не годились. Сочинять их была одна мука. Рифмы, размер, потом в журналы все это таскать, в издательства, перед редакторшами заискивать – да ну все это к черту!

Женщины? Конечно, хорошо бы, но страшно много с ними возни. Обхаживай их и так, и сяк, кулоны им покупай, а потом оказывается, что они с другими спят.

Вино? Но от вина у поэта болела голова, а иногда даже рвало.

Собирать какие-нибудь безделушки или книги? Нет, это слабые страсти, удовлетворение от них не полноценное. Вот и посудите сами, есть что-нибудь лучше сладостей!

ПОЭТ УВЛЕКШИЙСЯ БУДДИЗМОМ

Один поэт увлекся буддизмом.

Купил подстилку, какие-то дымящиеся палочки, научился сидеть в позе лотоса, мясо перестал есть и т.п.

Пришел к нему один его приятель. Посмотрел на него, посмотрел, и говорит:

– Перестань выебываться, мудила гороховый.

Ну, он и перестал.

ПОЭТ С ДВУМЯ ЖЕНАМИ

У одного поэта было две жены.

Одна официальная, с которой он в ЗАГСе был расписан, другая неофициальная.

С официальной он не жил, а только приходил к ней как к любовнице. Неофициальная жена, наоборот, жарила ему котлеты, стирала трусы и майки и собирала разбросанные им по комнате исписанные бумажки.

Когда же поэт напивался, он совершенно не знал, к которой из жен идти, сидел и плакал на лавочке в метро.

Иногда неофициальная жена находила его в таком состоянии и звонила официальной, чтобы та приехала и вытащила поэта из пропасти меланхолии и отчаяния.

На что официальная жена кричала, что не желает это ничтожество видеть, что он ей опротивел, и грозилась разводом.

В общем и целом, если не считать некоторые пустяковые мелочи, жили они хорошо.

ПОЭТ КОТОРЫЙ СИДЕЛ В УБОРНОЙ

Один поэт сидел в уборной.

Казалось бы, зачем о таком интимном моменте говорить, зачем заглядывать в замочную скважину и наблюдать человека, да еще поэта, в такой незащитной ситуации.

Дело, однако, не в замочных скважинах, а в том, что только в этом, казалось, самом неподходящем месте посещала поэта его Муза, только здесь испытывал он то особое эйфорическое состояние творческого подъема, которое обыкновенно называют вдохновением.

Скажите – странность. А вот и ошиблись. Обычное дело. Высокое и низкое, свет и тень – друг без дружки немыслимы, всегда рядком.

Беда только, что жил поэт в общей квартире. Бывало, только удобно расположится, только начнут в сознании образы роиться и складываться в музыку ритмические слова, как кто-то уже барабанит в дверь. Конечно, все рассыпается в пух и прах и приходится потом все начинать с начала.

Страдает поэт. Мучаются соседи.

Перешел поэт на ночную смену, но и тут то один, то другой с заспанными глазами и в мятых ночных штанах выгоняют.

Нет, невозможно в таких условиях творческому человеку жить!

Пришлось копить деньги, купить однокомнатную кооперативную квартиру. Хотя вид из окна унылый, одни новостройки, зато лоджия, воздух. Ну, и конечно, свой личный новенький санузел. Теперь, думает поэт, никто барабанить и обзывать выблядком не будет.

И правда! Красота, покой, плитки кафельные, бачок уютно журчит, туалетная бумага со специальной прижималочкой с зубчиками. Только вот Муза, стервоза, не летит и не летит! Хоть целый день сиди на толчке, ни единой рифмы не выдавишь. Хоть плачь.

Пошли депрессии. Коллеги поэты внутренне ухмыляются, скрыто радуются, исписался, мол. Поклонницы просят почитать что-нибудь новенькое, а новенького-то нет!

Что делать? Поэт наш, хоть и со странностями был, но не дурак. Подумал он, подумал, да и обменялся на коммуналку.

ПОЭТ И СНЫ

Один поэт нашел источник своих вдохновений в снах. Другие книжки читают, в музеи ходят на мраморные копии смотреть, в дискуссиях страстно дебатировать, а он спит себе и бесплатное кино смотрит.

На еде, опять же, экономия. Когда человек бодрствует, известное дело, ему все время покушать хочется, а если часов 16-17 в день спать, то продуктов израсходуешь вдвое меньше, а то и втрое. Что же касается снов, главное научиться их запоминать. По этому поводу поэт с разными фрейдистами советовался. Но, по правде сказать, в этом вопросе не столько теория важна, сколько тренировка и сортировка. Не каждый сон в дело годится. Тут вкус нужен, чувство меры и художественная интуиция.

Поэту, например, однажды приснилось, что он в бассейне плавает с арбузом, и арбуз это время от времени выворачивается своим розовым нутром наизнанку.

Другой, может, и ухватился бы за этот сон, но наш поэт его отверг. Нет, нет, подумал, это слишком простенько – розовыми внутренностями впечатлять. Повернулся на другой бок, свернулся калачиком и стал смотреть дальше.

Если же ему снилось что-нибудь стоящее, говорящая утка, например, или трехметровый крапчатый кот на поводке, или Бог в виде табуретки, он просыпался и заносил такой сон в тетрадку, которая всегда готовая с карандашом находилась у его изголовья.

Читая свои сны в обществе или печатая в журналах, поэт преподносил их всегда как плоды своей фантазии или чисто художественные игры со словами, и никогда никому не выдал, что все это случилось на самом деле.

ДИЕТА ПОЭТА

Один поэт решил сесть на диету.

Вокруг все худеют, только и разговоров о здоровье, вот и поддался массовому психозу. Выбрал диету покрепче, все сырое, никаких там котлеток и прочих деликатесов. Месяца через два начал поэт ощущать легкость необыкновенную. До того дошло – разбежится, бывало, по комнате и... под потолок. Висит и сверху на все по-сматривает.

На улице тоже пробовал, но там разные сложности возникли. Подпрыгнуть он мог все-таки не высоко, метра два от земли. Того и гляди кого-нибудь заденешь. А главное, народ у нас уж больно сволочной, уволокут еще в дурдом или камнями побьют.

Висеть под потолком и произвольно в воздухе туда-сюда похаживать было, конечно, приятно. Но от этой чертовой диеты все возможные мысли у поэта абсолютно испарились. Сядет по привычке к письменному столу, возьмет перо, бумагу и... ничегошеньки свободно не течет. Да что там свободно, как ни напрягайся, ни тужься, не выдавливай – ничего, ни единой буковки не выдавишь.

Задумался поэт. Что же получается? Похоже, выбор надо делать: либо для себя жить, под потолками порхать в свое удовольствие, либо культурному человечеству послужить?

В конце концов, оказался он в какой-то компании, отнюдь не вегетарьянской, напился там, как свинья, даже вроде бы кому-то в морду дал или плюнул.

Думаете, стихи так сразу и пошли?

Ничего подобного. Пришлось добавить. Да еще одну, уже не молодую, полувдову совратить и деньги приятелю не вернуть.

О кровавых бифштексах уж и говорить не приходится.

Ну, а потом пошло! За несколько дней и ночей (в экстазе был и не спал) поэму написал. Потом венок сонетов.

Все ахнули!

Не считая мелких стихотворений.

СОДЕРЖАНИЕ:

АХ!	5
БЕЛЫЕ ШАРИКИ.....	35
ИЗ ДНЕВНИКА М.....	45
ПОСТЕЛЬ-СОБАКА.....	71
ДЛИННОШЕЕЕ СУЩЕСТВО.....	85
ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ	111
О ДУШЕ.....	131
МОНАХ РАБИНОВИЧ.....	143
ПОХОРОНЫ ТАРАКАНА.....	165
О ПОЭТАХ	179

